

Михаил Жилин

КАМЧАТСКИЙ ЕРМАК

Атласов представляет собою личность совершенно исключительную. Человек малообразованный, он вместе с тем обладал недюжинным умом и большой наблюдательностью, и показания его, как увидим далее, заключают массу ценнейших этнографических и вообще географических данных. Ни один из сибирских землепроходцев XVII и начала XVIII веков, не исключая и самого Беринга, не даёт таких содержательных отчётов.

Академик Л.С. Берг.

«Открытие Камчатки и экспедиции Беринга».

"... И собрав казну великого государя в Анадырском с ясачных юкагирей на 205 (1697) год, выслал в Якуцкой город с служилыми людьми... И по наказной памяти пошёл он, Володимер, из Анадырского... для прииску новых земель и для призыву под самодержавную великого государя высокую руку вновь неясачных людей..." Так начинается "сказка" или, говоря современным языком, отчёт Владимира Атласова о походе казаков в 1697-1699 годах в неведомый край – на Камчатку.

Когда казаки отправлялись в поход, бытовали лишь смутные слухи, что где-то за горами, за долами "есть такая земля", богатая пушным зверем. А вернувшись из похода через два с половиной года, они привезли достоверные сведения о полуострове, о народах, живущих там, о природе и богатствах далекого края.

Во время похода Атласов "со товарищи" заложил на полуострове первые русские поселения, положил начало приведения в царское подданство местных народов, присоединив полуостров к Российскому государству. Неслучайно великий русский поэт А.С. Пушкин сравнил Атласова с покорителем Сибири Ермаком Тимофеевичем и назвал его "Камчатский Ермак".

У поэта созрел замысел: воспеть мужество казаков, "сквозь неимоверные препятствия и опасности" покоривших громадные пространства Сибири, проведавших Камчатку и вышедших к

берегам Восточного (Тихого) океана. На рабочем столе поэта остались наброски статьи для журнала "Современник" и краткие заметки при чтении книги Степана Крашенинникова "Описание земли Камчатки". Дуэль и трагическая смерть не позволили поэту осуществить этот литературный замысел.

О Владимире Атласове написаны сотни страниц, однако многое в его биографии излагается противоречиво, а порой и ошибочно, исследователи по-разному трактуют те или иные события его походов.

Даже отчество Атласова называется по-разному – то Тимофеевич, то Васильевич, то Владимирович.

Пять лет назад, приступая к созданию телевизионного историко-документального фильма о "хождении" Атласова на Камчатку, мы столкнулись с множеством таких противоречий, различных толкований, и просто искажений.

Чтобы прояснить спорные моменты, представить сложности маршрута Атласова участники съемочной группы побывали в архивах Москвы и Санкт-Петербурга, прошли по маршруту первопроходцев на полуострове, побывали на Чукотке, в Якутске, Тобольске и других местах, связанных с жизнью знаменитого атамана, встретились с историками.

Многое помог прояснить доктор исторических наук Б.П. Полевой из Санкт-Петербурга. Долгие годы он занимался изучением истории Сибири и Дальнего Востока. Ему удалось сделать ряд находок в архивах, позволивших заполнить "белые пятна" в биографии Атласова.

– Вот смотрите, – Борис Петрович показывает сборник "Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века", изданный в 1951 году. – Здесь опубликован любопытный документ – отписка приказного Охотского острога Андрея Булыгина, отправленная в Якутск 8 марта 1655 года. В ней говорится о пребывании на реке Охоте Волотьки Отласа. Кое-кому из историков показалось, что это самые ранние сведения о жизни Владимира Атласова. Однако невозможно было поверить, что Волотька Отлас, ходивший в походы в пятидесятые годы XVII века мог совершать их на рубеже и в начале XVIII века. Но только документы могли подтвердить или опровергнуть это. И я

отправился в Москву. В Государственном архиве древних актов мне удалось отыскать неизвестные документы. В окладных книгах Якутского приказа середины XVIII века встречается фамилия Волотьки Отласа, а в конце XVIII века - Владимира Отласова или Атласова. Не является ли второй сыном первого? Я лихорадочно стал просматривать окладные книги и мне повезло! В одной из них я обнаружил запись: "3 июля 1682 года в Якутске умер Волотька Отлас". И тут же другие записи: о том, что в качестве новых казаков поверстали сыновей Волотьки Отласа - Ивана и нашего героя Владимира.

Стало ясно: историки допускали ошибку, принимая отца и сына за одного человека. Так было установлено: отчество "Камчатского Ермака" – Владимирович, а не Васильевич или Тимофеевич. Позже это подтвердили и другие документы. В частности, записная книга самого Атласова, обнаруженная в Российском государственном архиве древних актов. Она начинается словами: "Год 1701 декабря 2 числа книга записная казачие головы Володимера Володимеровича Атласова, что кому отдано разных товаров.."

Точный год рождения землепроходца остался неизвестным. Но исследователи косвенным путем пришли к выводу: родился он между 1661-1664 годами. А вот место его рождения до сих пор вызывает споры. Атласова считали своим земляком жители Великого Устюга, откуда вышли известные землепроходцы Василий Поярков, Семен Дежнев, Ерофей Хабаров. Но в одном из документов, обнаруженных в архиве, отец землепроходца Волотька Отлас в 1651 году назвал своей родиной Усолье (по мнению исследователей, Усолье Камское), чаша весов склонилась к Соликамску. Здесь, дескать, у Отласа была семья, здесь у него родилось трое сыновей. Став служить казаком в якутском гарнизоне, он перевез затем сюда своих сыновей, которые пошли по стопам отца. Иной точки зрения придерживается доктор исторических наук Б.П. Полевой. Он считает; место рождения Владимира Атласова - Якутск, где служил его отец.

Якутск, начинавшийся с маленького острожка на Лене-реке в 1632 году, в XVIII веке стал главным опорным пунктом русских казаков в Восточной Сибири.

ЯКУТСК

Башня острога — самое старое сооружение (1687 г.) в г. Якутске, бывшем в XVII и XVIII веках главной базой освоения Восточной Сибири.

Фото М. Жилина

Жена Владимира Атласова
Степанида Федоровна.
Художник Артур Ковалев.

В историко-этнографическом комплексе, сооруженном на берегу реки Лены, собраны экспонаты, рассказывающие об истории, культуре и быте жителей Якутии. *Фото М. Жилина*

Первые шесть лет молодой казак Владимир Атласов (Атласов) нёс службу на дальних реках, исполняя её "со всяким чистосердием". Сначала он служил на реке Учур – притоке верхнего Алдана, куда в своё время проложил путь Василий Поярков, затем на Тугурском перевале, за которым открывался путь на Амур. Кстати, оттуда Атласов доставил сообщение в Якутск, что маньчжурцы готовят нападение на пограничные селения и это позволило своевременно принять меры к укреплению пограничных постов. Затем Атласов был послан на "двухгоднюю службу" в Удский острог на Охотское побережье, где начинал службу его отец Владимир Тимофеевич Отлас. В Якутск, где оставалась его жена с малолетним сыном Иваном, Атласов навещался редко, когда доставлял пушной ясак.

Энергичный, грамотный казак был замечен воеводой и оставлен в Якутске. Очевидно, свою роль в этом сыграла и семья с малым ребёнком. Атласова назначили сборщиком ясака в близлежащих волостях. Напутствуя в путь, воевода наделил его особыми полномочиями в борьбе с самогонщиками и должниками по уплате ясака. А какой казак не стремиться оправдать доверие высокого начальника! К своим обязанностям Атласов отнёсся столь рьяно, что допустил превышение служебных полномочий.

Посыпались жалобы от якутов на "учинение обиды и рукоприкладство".

Последовало разбирательство. Жёсткость в борьбе с самогонокурением была признана правомерной. А вот делу о грубом нарушении полномочий при сборе ясака был дан ход. Объяснение, что насилие пришлось применять лишь к недоимщикам, не возымело действия. Нарушитель был подвергнут публичной порке – суровые законы не щадили и самих казаков.

В будущем Атласов не раз проявит свой характер – решительный и неугомонный, порой крутой и безудержный, который в одних случаях будет способствовать достижению цели, в других – обернётся против него самого, приведёт к драматическим и даже трагическим последствиям.

В 1691 г. Владимир Атласов впервые направлен на северо-восток, в самый дальний и наиболее трудный острог в Якутском уезде - на реку Анадырь.

Этот острог начинался с маленького зимовья, заложенного в 1649 г. в средней части реки Семёном Дежневым с небольшой группой казаков. Судьба забросила их сюда после похода на кочах через пролив из Северного Ледовитого океана в Тихий. Анадырский острог стал вторым после Якутска казачьим укреплением на севере.

В царских указаниях предписывалось прилагать радение, всячески стараться приискивать новые земли, неясашных людей, соболиные угодья, моржовый зуб и всё, что "пристойно государевой казне будет".

Моржовая корга, обнаруженная в Анадырском лимане, где летом залегали звери, долгие годы обеспечивала богатый промысел моржовых клыков.

Во время службы Атласова в остроге добыча "моржового зуба" резко упала из-за сокращения зверей на лежбищах. Пополнение казны казаки связывали с "мягкой рухлядью", как называли тогда шкурки пушных зверей.

Здесь, на Анадыре и услышал Атласов от юкагиров, пути которых пересекались с кочующими коряками-оленоводами, о Камчатке - земле, богатой соболем.

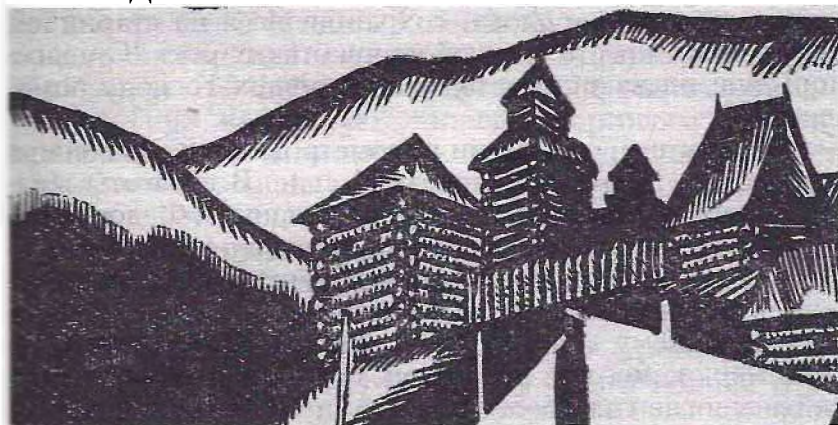
В истории России, пожалуй, не было такого зверька, как соболь, сыгравшего столь важную роль в расширении границ государства. Обитатель сибирской тайги, он стал подлинной драгоценностью. Его мех, пышный, тёплый и долговечный, шёл нарасхват и в Европе, и в Азии через пограничный Китай. Соболиные меха составляли треть, а иногда и больше валютных поступлений в царскую казну.

В поисках угодий, богатых пушным зверем, снаряжались экспедиции, в дальние походы отправлялись ватаги промышленных людей и казаков.

Проведанные земли закреплялись за русским государством, а местные народы облагались пушным ясаком. Поиск богатых таёжных угодий и добыча соболей становились таким образом важнейшим стимулом в продвижении казаков и промысловиков на восток и северо-восток.

Служба Атласова в Анадырском была трудной и опасной. В тундре кочевали воинственные племена, сбор ясака порой проходил при вооруженных стычках. Надеждой на благополучное

НА АНАДЫРЬ-РЕКЕ

Из острога, находившегося в средней части реки Анадырь, начинался путь казаков на Камчатку. *Старинная гравюра*

Одна из находок на месте парой казачьей крепости — ядро пушки стало экспонатом в музее чукотского села Марково.

Съемочная группа историко-документального фильма «Камчатский Ермак» на берегу реки, где стоял острог.

Фото М. Жилина

возвращение из походов звучат выстраданные слова, сохранившиеся на старинном деревянном кресте у одной из чукотских рек: "О спасении душ плавающих и путешествующих Господу помолимся!" А в Якутске, за тысячи километров оставалась семья Атласова – жена и малолетний сын. Все тяготы жизни ложились на хрупкие плечи Степаниды Фёдоровны. Как тяжело приходилось женщине, свидетельствует написанная её рукой челобитная, обнаруженная среди документов Якутской приказной избы.

"По вашему великих государей указу, муж мой Володимерко, послан на дальнюю нужную службу служить многие годы беспеременно, а я сирота ваша, скитаюся меж двор, помираю голодом... Пожалуйте меня, сироту свою, хлебным и соляным жалованьем мужа моего..."

Челобитная была услышана, семья получила помощь.

С семьёй Атласов встретился лишь через три года, в 1694 году, когда с группой казаков доставил в Якутск пушной ясак с Чукотки. Тогда и поведал он воеводе, что из Анадырска можно проведать "камчатскую землицу" и пополнить казну соболями. Предложение прозвучало как никогда вовремя - в столице выражали недовольство, что соболиных шкурок стало меньше и "казна умалилась". Радение Атласова было одобрено, но где взять средств на экспедицию – в казне их нет.

И Атласов в душевном порыве пообещал организовать поход за свой счёт.

Откуда же брать средства простому казаку? Вырученных денег от продажи соболиных шкурок далеко не хватит. Придётся занимать в долг, "влезать в кабалу". Так поступали бывалые казаки, и случалось, не прогадывали. А чем хуже он? Сила есть, энергии в избытке, походная жизнь привычна. Риск? А куда казаку без риска?

Единственной просьбой Атласова было повышение его в чине. Иначе как возглавлять поход, не имея полномочий?

Воевода на удивление быстро удовлетворил просьбу. Был Атласов рядовым казаком, сборщиком ясака, а стал сразу пятидесятником, минуя чин десятника.

Организация экспедиции оказалась делом гораздо более сложным, чем представлялась. Одежда, обувь, продовольствие,

промысловое снаряжение – на все требовались средства. И здесь Атласов проявил недюжинные предпринимательские способности. У якутского подьячего занял 160 рублей – деньги по тем временам немалые. Под "кабальную" запись у торгового человека приобрел порох и свинец. За них обещал расплатиться 120 красными лисицами. Часть снаряжения и боеприпасов раздал "безденежно" людям отряда, которые обязались расплатиться с ним собольими шкурками. Часть промышленных людей согласилась идти с ним за "свой кошт".

Окрылённый планами, возвращался Атласов в Анадырск. И возвращался уже в ранге приказчика острога.

Но в Анадырске его ждала огорчительная новость. В походе в "корякскую землицу" – а это пограничная с Камчаткой территория - находился с группой казаков его бывший сосед по Якутску Лука Старицын по прозвищу Морозко. А вдруг он дойдет до Камчатки-реки? Тогда прощай его многолетняя мечта! Неужели суждено рухнуть его надеждам и планам?

Мучительными были дни ожидания Луки Морозко. Вскоре тот вернулся из похода и доложил новому приказчику: да, он побывал у коряков, собрал в нескольких стойбищах ясак, заложил зимовье на Апуке-реке, дошёл до реки Тигиль, где жили камчадалы. Даже совершил разведку в их стойбище, переодевшись в "иноземческое платье". Но не рискнул туда соваться с казаками, слишком малочисленной была группа.

Рассказы Луки Морозко были столь любопытны, что разбредили честолюбивую душу Атласова. И он решил: пока всё благоприятствует, немедленно отправиться в поход на реку Камчатку.

Желающих пойти в поход оказалось много. Загадочная земля, лежащая "на полдень от Анадыря", вызывала любопытство, разжигала страсти в предвкушении богатой соболиной охоты.

С юкагирами Атласов договорился об оленьих упряжках, пообещав им охоту на соболей – добывать столько, сколько смогут,

Но вот что удивляет: вернувшихся из похода Луку Морозко, Ивана Голыгина и других бывалых казаков, проведавших путь в корякскую землю, Атласов оставил в Анадырском остроге. Не хотел делить славу первооткрывателя? Или были другие причины?

Была середина декабря, канун 1697 года. Шестьдесят казаков и промышленных людей и шестьдесят ясачных юкагиров на оленьих упряжках двинулись навстречу неизвестности. И было тогда Атласову не более 37 лет - возраст, как сказали бы сейчас, оптимальный для сложного дальнего похода. А суровое зимнее время - морозы под пятьдесят градусов, частые пурги казаков не смущали. Они были привычны для них.

Атласов не стал выжидать и, как показали дальнейшие события, оказался прав – экспедиция могла закончиться, едва начавшись.

Новый приказчик, прибывший из Якутска, обнаружил: на Анадыре осталось мало казаков, острог оголён и мог быть подвергнут разорению местными воинственными племенами. К тому же Атласов "горяч нравом", а это могло привести к обострению отношений с аборигенами тундры. Дважды посылались гонцы вдогонку с приказом вернуться. Но оба раза не смогли догнать отряд Атласова – случай, позволивший совершить географическое открытие Камчатки, а поход сделать историческим.

"И шли де они из Анадырского через великие горы на оленях полтретьи (т.е. две с половиной) недели и выехали подле моря к губе на Пенжине-реке", – сообщал Атласов позже в "скаске" – отчёте.

В долине Пенжины отряду стали попадаться стойбища коряков. Это были "сидячие", как называли тогда береговых оседлых коряков. Они кормились рыбой и морским зверем, а жили в землянках и юртах.

Через толмачей-переводчиков Атласов "ласково и приветом", как и предписывалось царским указом, призвал их "под высокую государеву руку" и объяснил, что отныне они должны платить пушной ясак. А казаки берут их под покровительство и обещают защищать от неприятелей.

Жители стойбищ согласились заплатить ясак, только не соболями, поскольку их не промышляют, а красными лисицами.

"А бою де у них не было, потому что по государевой участи учинились они, неясашные коряки, покорны".

Собрав ясак в Акланском, Каменском и Усть-Пенжинском стойбищах, казаки отправили его отсюда в Анадырск, чтобы не

везти с собой в дальний путь. А сами пошли дальше берегом Пенжинского, как называли тогда Охотское море.

Обладая цепкой наблюдательностью и хорошей памятью, Атласов подмечал детали труда и быта коряков и по возвращении из похода поведал об этом в "скасках".

"А на Пенжине живут коряки пустобородые, лицом русоковаты, ростом средние, говорят своим особым языком, а веры никакой нет, а есть у них их же братья - шаманы, вышеманят, о чем им надобно, бьют в бубен и кричат".

"А одежду носят оленью, а подошвы нерпичьи. А едят рыбу и всякого зверя и нерпу. А юрты у них олени ровдужные".

Казаки Лука Морозко и Иван Гольгин, оставленные в Анадырске, все же не могли примириться со своим положением. Отдохнув, они отправились по следам Атласова. Догнали его отряд на корякской земле и присоединились к нему.

"А от тех острогов поехал он, Володимер, со служилыми людьми в Камчатцкой нос, и ехал на оленях подле моря две недели и от того Камчатцкого носа, по скаскам иноземцев вожей, пошли они через высокую гору и прошёл к олюторским острогам, к иноземцам олюторам".

Современные исследователи считают, что олений караван пересёк Пенжинский хребет и по старинным тропам вышел на восточный берег Камчатки.

"А за теми коряками живут иноземцы олюторцы, а язык и вовсе подобие коряцкое", – так описывал Атласов жителей восточного берега.

"Промышляют они лисиц на одежду, и соболи от них недалече, но соболей промышляют мало, потому что в соболях ничего не знают".

Пришлось ясак собрать красными лисицами. Но впредь казаки наказали сдавать соболей. А чтобы показать ценность их и побудить к охоте, променяли им железный нож за несколько собожьих шкурок.

В те годы коряки не знали металлических орудий труда, а пользовались каменными и костяными предметами. Нож стал для них самым драгоценным приобретением. И в последующем за железный нож или топор они отдавали свыше десятка шкурок

Зимние жилища коряков.
Старинная гравюра

Олени издревле были
источником жизни народов
тундры. *Фото М. Жилина*

соболей. Источником жизни коряков в суровой тундре, где даже не всякий зверь может выжить, издревле был северный олень. Это животное – единственное, приспособившееся добывать из-под снега лишайник. Довольствуясь этим подножным кормом, северный олень успешно выживает сам и обеспечивает выживание кочующих с ним людей. Олень дает им пищу, одежду, обувь, жилище, служит транспортом. "А одежду и обувь они носят оленью, и юрты у них оленьи".

"И от того острожка отпустил он, Володимер, 30 человек служилых людей и 30 юкагирей подле Олюторского моря для проведывания той земли. А сам де он, Володимер, с остальными служилыми людьми и юкагирами пошли подле Пенжинского моря".

Один отряд под руководством Луки Морозко пошел вдоль берега Тихого океана, другой отряд Атласов повел берегом Охотского моря, собирая ясак.

Но если оседлые коряки соглашались платить ясак, то кочевые оленеводы порой отказывались.

"И наехали они неясачных оленных коряк две юрты, и ласково их под царскую руку призывал, и они ясаку платить не стали и грозили побить их всех. Пришлось усмирить их".

Приближаясь к реке Палане, в отряде неожиданно обострились отношения с некоторыми юкагирами. В лесной пойме реки они увидели на снегу цепочки соболиных следов. Наконец-то можно поохотиться! Перед походом Атласов обещал им охоту на соболей. Но теперь он спешил быстрее достичь желанной Камчатки-реки. Просьбы юкагиров были оставлены без внимания. Так возникла атмосфера недовольства. На реке Палана она получила драматическое развитие.

По берегам реки располагалось довольно много корякских стойбищ. Вид незнакомых пришельцев не смутил коряк. Они наотрез отказались платить ясак. Видя превосходство в численности, Атласов не решился применить силу. Но события приобрели здесь неожиданный оборот. На Палане участников похода догнал посланец юкагиров с реки Анадырь. Он привёз соплеменникам секретный наказ одного из старейшин - напасть на русских казаков и перебить их, а они на Анадыре разрушат острог.

НА РЕКЕ ПАЛАНА

На реке Палана отряд казаков подвергся нападению недовольной группы юкагиров, шедших в походе с Атласовым, и коряков, не желавших платить пушной ясак. Пришлось выдержать сражение.

Фрагменты картины художника Артура Ковалева

Сговорившись с коряками, группа юкагиров-изменников рано утром окружила лагерь казаков и неожиданно напала на них. Несмотря на то, что у казаков на вооружении были не только сабли, но и ружья-пищали, а у иноземцев лишь луки и стрелы, внезапность сыграла свою роль.

"И трех человек казаков убили, и его, Володимера, в шести местах ранили, и служилых, и промышленных людей 15 человек переранили. И Божию милостию и государевым участием они, служилые, справились, и их, иноземцев от себя отбили и сели в осад".

Ночью Атласову удалось послать верного ему юкагира за помощью к Луке Морозко на восточный берег полуострова. И отряд Морозко вовремя подоспел на выручку.

На Палане казаки потеряли шесть человек, многие получили раны. 30 недовольных юкагиров покинули отряд.

Для Атласова это было первым суровым испытанием в походе. Человек мужественный и настойчивый в достижении цели, он не мог остановиться на полпути. В отряде оставалось 55 человек казаков и 30 верных юкагиров. Это большая сила. И Атласов повёл отряд дальше берегом моря, собирая с коряков пушной ясак, а у тех, кто не имел пушнины – забирал оленей, которых уводил с собой.

На реке Тигиль казаки держали совет: куда идти дальше? По западному берегу на юг полуострова? Или на реку Камчатку через горы? Решено было: "ни делясь, всем отрядом идти на реку Камчатку и проведать подлинно, какие там люди живут",

Взяв двух проводников коряков, отряд продолжил путь.

Казаки были обессилены – четыре месяца в пути с пургами и морозами, у многих не зажили раны, полученные в сражении. Но стремление достичь желанной цели было превыше всего.

Наступала весна. Вскрывались реки, преодолевать их становилось все сложнее и опаснее.

В верховье реки Тигиль, на долу, казаки оставили пасться стадо оленей, которое вели с собой, а сами с ездовыми оленями пошли через перевал.

Некоторые историки утверждают, что казаки из-за наступившей распутицы оставили оленьи упряжки, а сами с грузом на плечах шли через горы.

Аборигены тундры, с которыми мы встречались во время съёмок фильма, пояснили: "Весной по мокрой тундре оленеводы передвигаются на нартах или перевозят на оленях выюки, как это делали их предки. А в горах, на перевале, даже в июле лежит снег". В этом мы убедились сами, пройдя часть маршрута Атласова на оленьих упряжках.

Можно представить волнующий момент, когда перед участниками похода, на перевале открылась величественная панорама: на западе искрились от снега ребристые отроги Срединного хребта, а на юго-востоке острыми вершинами упирались в небо никогда прежде невиданные горы, похожие на юрты. Это были вулканы.

Отряд спустился с перевала к реке, которая вывела в долину Камчатки.

Одни исследователи считают, что казаки с верховьев реки Тигиль перешли на близко расположенный исток Левой Еловки и по ней спустились к реке Камчатке. Таким путём часто ходили казаки в последующие годы. Другие считают, что был и другой путь: через реки Хайрюзово, Анавгай и Быстринский хребет.

После многомесячного похода по зимней тундре и горам, после длительной весенней распутицы, отряд казаков достиг желанной цели – вышел к реке Камчатке. Долина выглядела райским местом - здесь буйствовала зелень. Поражало царство тайги с елями и лиственницами, которые зелёной стеной подступали к воде.

Казаки сделали длительный привал. Надо было не только отдохнуть, набраться сил, но и залечить раны, полученные в недавнем сражении. Истощенные за долгий путь олени отъедались на сочной траве.

Молодые, целебные растения, воздух хвойных деревьев быстро восстанавливали силы людей.

В долине казаки впервые встретили жителей, отличавшихся от коряков и бытом, и языком. Это были ительмены или камчадалы. "А по государскому участию русским людям они были рады", – сообщил Атласов в "скаске".

Жители этих четырех поселений охотно заплатили ясак. Причина такого радушного расположения к пришельцам вскоре

прояснилась. Оказалось, совсем недавно их погромили воинственные соплеменники с низовьев реки Камчатки. Междоусобные распри время от времени вспыхивали среди камчадалов. Более сильный род совершал набеги на соседей, забирал продукты питания, уводил с собой женщин, разорял стойбища. Возникла родовая месть ("род на род войною ходят и дерутся").

"И они, камчадальские иноземцы, стали ему, Володимеру с товарищи, говорить, чтоб... на тех иноземцев итти в поход и с ними их смирить".

Так неожиданно казаки приобрели союзников среди камчадалов.

Отряду Атласова предстояло отправиться по реке Камчатке. Для спуска по воде требовалось построить лодки и струги. Строительный материал был рядом – по берегам реки росли ели и лиственницы, а мастерства и сноровки казакам было не занимать.

С удивлением и любопытством наблюдали ительмены, как быстро орудуют казаки топорами. У камчадалов же были лишь каменные и костяные орудия труда. На изготовление бата, на котором они сплавлялись по рекам, уходило до трёх лет. Казаки же с помощью железного топора и пилы делали лодку и плот за несколько дней.

Совместная флотилия из казачьих стругов и камчадальских батов оказалась внушительной. В рейд отправились казаки и промышленные люди, юкагиры и еловские камчадалы. Три дня плыли вниз по реке к обидчикам – "неясчным камчадалам". Однако те "великому государю не покорились и ясаку платить не стали". Пришлось прибегнуть к устрашению. Несколько выстрелов из ружей-пищалей вызвали переполох в стойбищах. Казаки и камчадалы громили обидчиков, выжгли посады, "чтобы было им встрах и великому государю покорились".

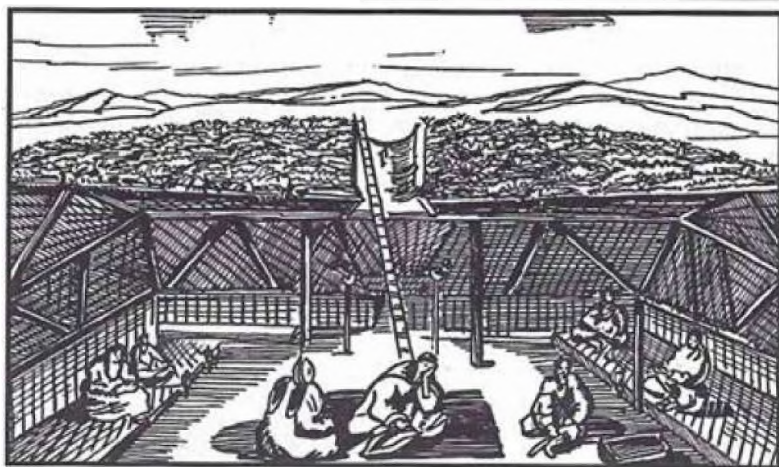
Слух об огненных людях – "брахтатынах" быстро распространился по долине реки Камчатки. И когда казаки заезжали в стойбища, жители соглашались вносить ясак, но просили об отсрочке. "А соболи де и лисицы у них в земле есть много, а в запас не промышляют, потому что они никуды ясаку не плачивали, только

Жилища камчадалов — летние балаганы у реки и земляная зимняя юрта.

Огонь приходилось добывать с помощью трения древесных палочек.

Внутреннее строение жилищ камчадалов.
Старинные гравюры

промышляют себе на одежду. И упрашивались в ясаке до иного году". И Атласов согласился.

Проплывая по реке, Атласов обращал внимание на растительность, зверей и птиц, и поведал об этом по возвращении из похода.

Долина в бассейне реки Камчатки является своеобразным оазисом. Горные хребты, прикрывающие её, препятствуют проникновению сюда холодных морских ветров. В отличие от побережий, здесь континентальный климат: морозная зима сменяется тёплым летом.

Благоприятные условия для жизни находят здесь не только хвойные, но и берёза, тополь, ива, ольха, многочисленные кустарники и различные травы, создающие порой непроходимые джунгли.

Ительмены называли Камчатку "Уйкоаль" – большая река. Почти на 700 километров протянулась она по долине в средней части полуострова. Атласов первым рассказал об особенностях жизни ительменов, издавна населявших берега реки.

Поселялись ительмены семейными общинами. Жилища у них были двух видов – зимние и летние. Зимой в землянках-юртах жили по несколько семей одного рода. Огонь добывали трением.

Летние жилища сооружались на столбах и покрывались жердями, над которыми воздвигалась крыша из травы и корья.

Главным занятием ительменов было рыболовство. Летом реки и озера заполнялись рыбой – из океана на нерест шли лососи. Их было так много, что вода буквально вскипала от плеска рыб.

"А рыба в тех реках, в камчатской земле, морская, пороною особая, походит она на сёмгу, а цветом красна", – сообщал Атласов. Он не только называет виды рыб, но и подмечает природный цикл в жизни лососей.

"И идёт той рыбы из моря по тем рекам, гораздо много и назад та рыба в море не возвращается, а помирает в тех реках и заводях".

Всё лето ительмены проводили у рек и озер, заготавливая рыбу. Они сооружали на берегах так называемые балаганы, в которых вялили и сушили рыбу и икру. На долгую зиму запасали её для питания себе и ездовым собакам.

РЫБНОЕ БОГАТСТВО

Как и прежде, лососи являются главным богатством полуострова.

Летние сооружения «балаганы» служат для заготовки рыбы и хранения ее зимой.

Коренные жители сочетают современные и традиционные способы заготовки рыбы. *Фото М. Жилина*

Во время нереста рыб у водоемов держались различные животные. Особенно много было медведей. Они ловили рыбу, отъедались на сытной пище, готовясь к длительной зимней спячке.

Важная роль в жизни ительменов отводилась сбору трав, корней, ягод и орешков кедрового дерева. "Есть трава – иноземцы называют её агататка. Они тое траву рвут и кожуру очищают, сушат на солнце, а как она изнеет, тое траву едят – вкусом сладка, как сахар". Это был борщевик, который, как и шеломайник, вырастает за короткое камчатское лето выше роста человека и образует настоящие джунгли, пробираться сквозь которые удаётся с большим трудом.

Особенно поразили участников похода в камчатской долине величественные и грозные горы с дымиющимися вершинами.

"А от устья итти вверх по Камчатке реке неделю, есть гора подобна хлебному скирду, велика гораздо и высока, а другая близ её ж - подобна сенному стогу и высока гораздо: из неё днём идёт дым, а ночью искры и зарево". Так описывал Атласов вулканы Шивелуч и Ключевскую сопку - крупнейший действующий вулкан Евразии высотой почти пять тысяч метров.

Камчадалы считали вулканы жилищами грозных духов и боялись подниматься на них. "А буде человек взойдёт до половины той горы, и там слышит великий шум и гром, что человеку терпеть невозможно. А выше половины той горы, которую люди всходили, назад не вышли".

Это были первые сведения о вулканах Камчатки, донесенные миру Владимиром Атласовым.

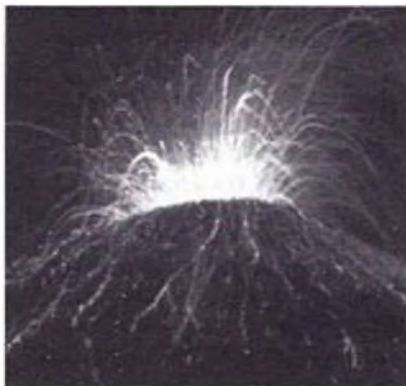
Итак, Камчатка-река проведена. От камчадалов получено согласие о внесении ясака после соболиного промысла. Положено начало приведению их в российское подданство. Главная цель похода достигнута. Остаётся подготовиться к зиме и самим заняться промыслом пушных зверей, к чему так стремились и казаки, и промышленные люди, и юкагиры.

Но зимовать в таёжной долине им не пришлось.

ВУЛКАНЫ

Во время похода казаки встретили в долине реки Камчатки необычные горы, из вершин которых извергался огонь и дым. Это были вулканы Ключевская сопка и Шивелуч. Атласов был первым, кто поведал миру о вулканах Камчатки.
Фото В. Борисова и М. Жилина

Планы участников похода неожиданно были нарушены вестью гонцов с верховьев реки Тигиль: коряки угнали оставленный там казаками табун оленей, чтобы "ему, Володимеру, служить великому государю было не на чем".

Потеря оленей могла поставить отряд в очень трудное положение. И Атласов решает спешно отправиться в погоню.

Но прежде, чем покинуть долину, в месте впадения реки Кануч в Камчатку, он водрузил деревянный крест с надписью: "205 (1697) года июля 13 дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов со товарищи 55 человек".

Это было свидетельство о закреплении этой земли за Российским государством, знак его, Атласова приоритета в проведывании этого края.

"И он де, Володимер, со служилыми людьми, увидя их (коряков) дорогу и следы, за ними погнались..." А догнав, учинили бой, "и бились день и ночь.., и оленей отбили". "И от того места пошёл он, Володимер, вперёд на Ичу реку...". Ича была выбрана местом зимовки отряда

Три века, прошедшие со времени похода Атласова, стёрли следы пребывания здесь казаков. Место зимовки оказалось неизвестным. Пришлось обратиться к историческим хроникам, запискам путешественников, воспоминаниям старожилов. Поиски увенчались успехом. Оказалось, зимовье отряда находилось в 20 километрах от Охотского моря, на высоком увале у реки. Жилища располагались в берёзовом лесу, который по-ительменски назывался "ич". Отсюда и название реки Ича.

С увала открывался широкий обзор. Подступы к нему хорошо просматривались, что было немаловажным условием безопасности. Прекрасным ориентиром служил вулкан, который позже получил название Ичинский.

Участникам похода удалось узнать, что с Ичи в верховье реки Камчатки есть более короткий путь, которым пользуются камчадалы.

А кроме того, эти места были богаты соболем. Наконец-то можно заняться соболиным промыслом, ради чего, главным образом, и стремились попасть в дальний край участники похода.

Соболей обитало здесь много, но добыть их было не просто. Юркий, стремительный, соболь очень подвижен. Он одинаково хорошо чувствует себя как на земле, так и на деревьях.

Для охоты участники похода использовали кулёмы (ловушки), обмёты сетью или тропили зверьков.

На Иче Атласов услышал от ительменов, что на одном из притоков реки живёт какой-то иноземец, находящийся в плену у камчадалов. Атласова это очень заинтересовало, и он попросил привезти его.

Иноземец уже два года находился на полуострове и понимал немного по-камчадальски. Звали его Денбей. "И сказался тот полонённый ему, Володимеру, он де Узакинского государства, а то де государство под Индейским царством". Позже выяснилось: речь шла о Японии. На парусных судах везли моряки товары (хлеб, вино, посуду) из города Осака на Хоккайдо в Эдо, нынешний Токио, и попали в жестокий шторм. Шесть месяцев волны носили их по океану, пока не прибили к берегам Камчатки. Моряки, увидев на берегу людей, вооруженных луками и стрелами, пересели в лодку и уплыли в море, а трое попали в плен к "курильским мужикам" жителям южной Камчатки. Два человека умерли от непривычной, скудной пищи, а Денбей выжил. Курильцы передали его камчадалам.

"Иноземец оказался на редкость вежлив и разумен", – сообщал Атласов. Он оставил его в зимовье и решил взять с собой при возвращении. Забегая вперед, скажем: Денбей был доставлен сначала в Якутск, а потом в Москву. Денбея подробно расспросили. Сведения, полученные от него, представляли огромный интерес. Пётр Первый повелел: «А как он, Денбей, русскому языку и грамоте научится, ему, Денбею, учить своему японскому языку и грамоте робят - человек 4 или 5... А как русских робят своему языку и грамоте научит – и его отпустят в японскую землю».

Школа японского языка была открыта в Москве, а затем в новой столице России – Петербурге. Это способствовало пробуждению интереса к стране Восходящего солнца, поиску путей к ней и установлению контактов.

Соболь.
Фото М. Жилина

Японец Денбей.
Художник Артур Ковалев

На Иче-реке казаки провели зиму, промышляя соболем. От камчадалов они услышали о пленном иноземце. Это был японец Денбей. От него в Москве были получены первые сведения о Японии. С Ичи казаки совершали походы по Камчатке. Отсюда они вернулись в Анадырский острог.

Школа японского языка была открыта в Москве, а затем в новой столице России – Петербурге. Это способствовало пробуждению интереса к стране Восходящего солнца, поиску путей к ней и установлению контактов.

Вернёмся, однако, к походу. С Ичи Атласов отправил в верховье реки Камчатки под началом Потапа Серюкова 12 служилых и промышленных людей и 30 юкагиров. Они заложили здесь зимовье, ставшее началом широко известного впоследствии Верхне-Камчатского острога.

Жители современного поселка Мильково, недалеко от которого находилось это первое русское поселение, создали музейный комплекс. Экспонаты, собранные в нем, не только рассказывают о труде и быте коренных жителей долины, но и дают представление об изменениях в этническом облике камчадалов, создававших совместные семьи с русскими казаками.

Продвигаясь берегом Охотского моря на юг полуострова, казаки дошли до широкой водной преграды. Оказалось, что реки Опала и Нынгучу недалеко от впадения в море образуют единое русло. На реке Нынгучу пропал без вести опытный казак Иван Голыгин. С тех пор река носит название Голыгина.

На юге отряд Атласова столкнулся с неизвестным народом – курилами. Реки Опала и Нынгучу (Голыгина) были своеобразной границей между ительменами и курилами, жившими на самом юге полуострова.

Словом "курилы" камчадалы называли айнов от слова "куру", что означало – житель. За густые чёрные волосы и окладистые бороды казаки стали называть их "мохнатые курильцы". Позже выяснилось: айны населяли главным образом острова, протянувшиеся от Камчатки к Японии. Эти острова стали называть Курильские.

Встреча с курильцами оказалась неудачной для отряда Атласова. На предложение заплатить ясак "те курильцы учинились непослушны, ясаку с себя не дали и учинили бой". Казаки погромили острожек, "а к иным острожкам не приступали, потому что у них никакова живота (т.е. собольих шкурок) нет и взять нечево". Курильцы лесных зверей промышляли мало, потому что "соболи и лисицы никуда нейдут". Они занимались, как и

камчадалы, рыбной ловлей и охотой на морских зверей. Но здесь казаки встретили зверей, дотоле неизвестных. Это были каланы.

В «скаске», записанной 10 февраля 1701 года, Атласов сообщает: "А в море бывают киты великие, нерпа, каланы, и те каланы выходят на берег по большой воде, и когда вода убудет – и каланы остаются на земле и их копыями колют и по носу палками бьют, а бежать те каланы не могут, потому что ноги у них самые малые..."

Казаки стали называть каланов морскими бобрами. Позже ученые уточняют: это морские выдры. В отличие от других морских зверей у каланов нет под кожей жировой прослойки. От холода их защищает густой мех, потому так внимательны каланы к своей шубке. Они постоянно держат ее в чистоте. Лишь благодаря высоким качествам меха могут они выживать в суровых северных условиях.

В науке считается, что мир узнал о каланах от натуралиста Георга Стеллера, участника Второй Камчатской экспедиции, которая зимовала на острове Беринга в 1741 году. Работа Стеллера по описанию каланов опубликована в 1751 году. Но Атласов за пятьдесят лет до него сообщил об этих зверях и первым употребил слово "калан" – так называли его коренные жители полуострова.

На юге полуострова Атласов сделал еще одно важное наблюдение, ставшее географическим открытием.

"А против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть", – сообщал он в своей "скаске". Зоркий глаз не подвёл его. С устьев рек Опалы и Голыгиной в ясную погоду проглядывает в Охотском море Алаид – самый северный вулкан Курильских островов. Высота острова-вулкана более 2300 метров. Облака и туманы укутывают его большую часть года. Местные жители подтвердили: "Да, там острова есть, а на тех островах города каменные, и живут люди, а какие – про то иноземцы сказать не умеют". Это было первое упоминание о Курильских островах. Землетрясения и извержения вулкана Алаид несколько раз изменяли облик острова, он стал необитаемым. С 1954 года остров носит имя своего первооткрывателя Атласова.

Исследователи считают, что крайней точкой маршрута Атласова была река Голыгина. Однако в документах Сибирского

приказа в перечне рек, пройденных им, упоминается речка Инка. Но такой реки на старинных картах Камчатки не значится. Правда, есть похожее название – мыс Инканюш на восточном берегу полуострова. Недалеко от него речушка, впадающая в Тихий океан.

Возникает вопрос: зачем понадобилось Атласову с реки Нынгучу (Гольгиной) идти на неприметную речушку, пересекая полуостров?

В "скаске" Атласов сообщает: "А у курильских иноземцев взял он, Володимер, серебряную копейку, весом близко золотника, а полонённый называл её индейскою копейкою". Полонённый – это японец Денбей. По его рассказам, на борту судна, выброшенного на берег, кроме товаров находилось много серебряных монет. Не исключено, что мыс Инканюш и речушка Инка были местом крушения японского судна. Местные жители курильцы забрали с судна товары, но монеты могли оставить - денег в то время они не знали. Наверняка Атласов пошёл туда в надежде отыскать серебряные монеты. Удалось ли ему найти их, неизвестно, В "скаске" он не упоминает об этом. Но в бумагах Сибирского приказа Инка сохранилась в перечне рек, на которых побывал Атласов.

В конце зимы 1699 года казаки по существовавшему тогда правилу подали Атласову челобитную об отъезде в Анадырский острог, мотивируя тем, что у них "пороху и свинцу нет и служить не с чем".

Перед отъездом Атласов оставил под началом Потапа Серюкова в Верхне-Камчатском остроге 15 казаков и 13 юкагиров. Чтобы избежать столкновений с камчадалами, было решено проводить повольный сбор ясака, который скорее напоминал форму товарообмена.

В конце марта, когда установился снежный наст, отряд на оленьих упряжках вышел в обратный путь. С собой Атласов вез "полоненника японца Денбея.

В пути отряду пришлось лавировать, чтобы избежать встречи с воинственными коряками, которые рассчитывали перехватить пришельцев и уничтожить их.

2 июля 1699 года казаки увидели родные стены острога на Анадырь-реке. Из похода вернулось 15 казаков и 4 юкагира. Девять казаков и промышленных людей погибли на Камчатке.

Участники телевизионной группы побывали на реке Анадырь, где находился острог, сыгравший столь важную роль в открытии Камчатки.

Река Анадырь протянулась к Берингову морю на тысячу километров. Острог же находился в срединной части реки, в 18 километрах выше нынешнего села Маркова. Глава сельской администрации Виктор Иванович Созыкин, в роду которого были юкагиры, согласился сопроводить телевизионную группу на место бывшего острога.

Первый острог находился на острове, соединявшемся с берегом узкой песчаной косой. Когда весенние воды стали размывать остров, строение было перенесено на берег реки. Время и бурные воды не оставили следов от старинной крепости. Об этом историческом месте напоминает сейчас памятный крест. Люди хранят память о первых русских землепроходцах - Семёне Дежнёве, Семёне Моторе, Михаиле Стадухине, Владимире Атласове...

А в музее села Марково рядом с орудиями труда и быта коренных жителей тундры хранятся предметы быта и образцы вооружений казаков, собранные на месте бывшего острога.

После похода на Камчатку Атласов полгода провёл на Чукотке, собирая ясак. Сведения в Якутск поступали с большим опозданием. Прознав, что Атласов на Камчатке ранен, его жена Степанида Фёдоровна обратилась к воеводе с челобитной, в которой просила отпустить мужа с Анадырска «с сборною казною» домой. Воевода послал в Анадырск специальный наказ об этом. Но Атласов уже находился в пути на Лену-реку. А 2 июня 1700 года он прибыл в Якутск, в котором не был пять лет. С собой он привёз ясак "новоприискной Камчадальской земли": 330 шкурок соболей, 191 – красных лисиц, 10 – лисиц сиводущатых, 4 – выдры и 10 шкур каланов. В одном из документов Сибирского приказа подчеркивается, что Атласов собрал в Камчатке ясак "большими бобрами, которых иноземцы называют каланами, и тех бобров никогда в вывозе к Москве не бывало".

Кроме того, доставлен ясак от "староплатёжных" юкагиров – 42 шкурки соболей и 26 – красных лисиц. И собственные "пожитки" составили 440 соболиных шкурок, которыми промысловые люди рассчитались с Атласовым за порох, свинцовую дробь и

снаряжение, закупленные им перед походом на свои средства. Так что багаж оказался солидным.

Рассказ Атласова в Якутской приказной избе был столь впечатляющим, что дьяк Максим Романов тут же сделал запись первой его "скаска".

Воевода Дорофей Траурнихт был в восхищении. Он поспешил отправить Владимира Атласова в сопровождении четырёх его товарищей в Москву, чтобы он лично доложил о проведенной Камчатской земле. С собой первопроходцы везли собольи меха, "скаску"-отчёт о походе, документы Якутской приказной избы. В сопроводительной "отписке" в Сибирский приказ воевода подчеркивал: "...проведал де он, Володимер, за Носом 22 реки, на которых люди живут, соболей и лисиц есть, а бобров много и ясачную казну собрать мочно".

Через шесть месяцев Атласов прибыл в Тобольск, бывший с конца XVI века столицей Сибири. Недалеко отсюда на Иртыше, закончил свой ратный путь покоритель Сибири казачий атаман Ермак Тимофеевич.

В Тобольске шло строительство каменного Кремля. Автором проекта и главным строителем его был известный картограф и историк Семён Ульянович Ремезов. Он завершал работу над "Чертежной книгой Сибири" и теперь ему представилась возможность получить сведения о "проведанном камчатском крае" от самого первопроходца.

До этого Ремезов располагал копией карты, сделанной в 1667 году по указанию тобольского воеводы Петра Годунова. На ней было помечено название "Камчатка", правда, на материке между устьем Лены и Амуром. Очевидно, карта создавалась без точного знания, где Камчатка находится и что за географический объект она собой представляет.

На карте Петра Годунова 1667 года название "Камчатка" носит неопределенный характер. На "Чертеже всех сибирских городов и земель" 1698 года она изображена островом. Теперь же после встречи с Атласовым картина прояснилась. Но личной встречи оказалось недостаточно. И Ремезов обратился к воеводе М.Я. Черкасскому с просьбой скопировать "у того пятидесятника "скаска", чтобы "какой неправды не написать".

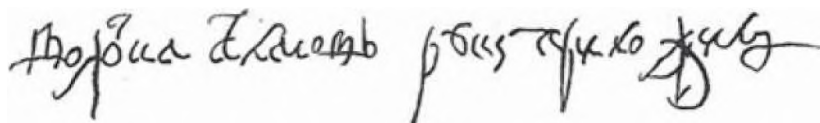
Софийский собор в Тобольском Кремле (XVII век). Сооружение его связано с именем С.У. Ремезова — историка, архитектора, картографа. Встреча с Атласовым позволила ему создать карту, на которой Камчатка впервые приобрела форму полуострова. На снимках внизу: памятник покорителю Сибири Ермаку Тимофеевичу (слева) и памятник С.У. Ремезову (справа). *Фото М. Жилин*

"Чертежная книга Сибири" была почти завершена. Оставалось только доделать последнюю карту. На основании полученных от Атласова сведений Ремезов внёс поправки в неё. Камчатка впервые приобрела вид полуострова. На этой карте, известной под названием "Чертеж земли Якутцкого города" была показана река Камчатка с пояснением: "А живут на ней неясашные камчадалы. Платье на них собачье, и соболье, и лисье, а луки у них маленькие, усовые на жилах". Тогда же в Тобольске была создана еще одна карта – "Чертеж вновь Камчадальские земли и моря". Под ней стояла подпись: "Карта Владимира Кубасова". Однако, как установили исследователи, никакого похода Владимира Кубасова на Камчатку не было. Карта создана по сведениям Владимира Атласова. На ней помечена пунктиром часть маршрута Атласова, реки перечисляются в последовательности, как в "скаске" первопроходца. Как произошла в подписи ошибка, трудно сказать. Сведения Атласова использованы Ремезовым не только в этой карте, но и в его "Служебной чертежной книге" 1710-1712 гг.

31 декабря 1700 года Атласов продолжил путь в Москву и через 40 суток прибыл туда. Его принял сам глава Сибирского приказа Андрей Виниус. Он сразу же оценил важность похода Атласова.

Весь день 10 февраля 1701 года подьячие Сибирского приказа записывали ещё одну "скаску" – отчёт руководителя похода. Это были подробные сведения Владимира Атласова о географическом положении Камчатки, ее природе, растительном и животной мире, о народах, населяющих полуостров. Под "скаской" стоит собственноручная подпись: "Волотька Атласов руку приложил". Вот копия этой подписи:

A handwritten signature in Cyrillic script, reading "Владимир Атласов" (Vladimir Atlasov). The signature is written in a cursive style with some flourishes, particularly at the end of the word "Атласов".

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве мне удалось познакомиться с рядом документов о Владимире Атласове. Вот челобитная первопроходца. В ней он

докладывает: "...ходил я, холоп твой, для прииску новых землиц, и приискал я, холоп твой ...неясачных иноземцев, и с тех, государь, иноземцев ясак собрал...". И далее обращается с просьбой: "...вели государь, мне быть в Якуцком у казаков казачьим головою...". В конце подпись: "К сей челобитной Володька Атласов руку приложил". Вверху - челобитная помечена датой: 1701 г., февраля в 15 день.

На четвёртый день Атласов подал вторую челобитную. Она касалась его "пожитков" – 11 сороков (440) соболей, приобретенных им от казаков и промышленных людей за снабжение их для похода ("...ныне за тот порох и свинец за скудостью платить и кабал выкупить нечем и взять негде").

Дело в том, что пока Атласов находился в походе, был принят правительственный указ, запрещавший приобретать в Сибири соболей и продавать их от себя, "а велено впредь соболи и соболиную рухлядь в ясак збирать и покупать в одну великого государя казну". Короче говоря, была введена государственная монополия на соболя меха. Объяснялось это тем, что "казна малилась", а воеводы и другие служилые люди "себя чрезмерно богатели, а отговариваясь, писали ложно, будто промыслы у иноземцев были худы, в то ж время у торговых людей в покупке и в отвозе в русские города явились многие соболи". В указе определялись строгие меры: "...если впредь у кого соболи и соболиная рухлядь явится без печатей Сибирского приказа - и то имать в государеву казну безповоротно".

19 февраля 1701 года состоялся "приговор" Сибирского приказа. В нём говорится: "Якутскому казачьему пятидесятнику Вл. Атласову быть в Якутске казачьим головою, а жалованья ему учинить "годовой оклад" 10 рублей, по 7 четвертей ржи и овса, 3 пуда соли, за его же "пожитки" – 11 сороков соболей - выдать ему 100 рублей деньгами и "товаров" на 100 рублей."

В третьей челобитной Атласов вновь перечисляет свои заслуги: будучи на Камчатке-реке "острог и ясачное зимовье поставил", ясак собрал с камчадалских народов, привёз в Якутск и "та сборная казна прислана с ним в Москву". На службе "всякую нужду и голод терпел" и "ранен многими ранами". И обращается с просьбой выдать ему жалованье.

В приговоре 23 февраля 1701 года говорится: за его службу и прииск новой земли дополнительно "дать ему на Верхотурье денег 50 рублей, да товарами на 50 рублей".

Придавая огромное значение расширению границ государства Петр Первый "велел его, Володимера, в Сибирском приказе допросить впредь о посылке в Камчатскую землю для приискания новых землиц..."

Расспросы Атласова показали, что открытие Камчатки – лишь первый шаг в присоединении её к России. Для полного утверждения в далёком краю, подчинения местных жителей, необходим отряд хорошо оснащённых служилых людей. Личность Атласова, 28 лет отдавшего службе и проложившего путь на край земли, устраивала Сибирский приказ. Он был назначен руководителем нового похода на Камчатку.

В грамоте ему предписывалось призывать иноземцев в ясашный платёж "ласково и приветом". Если же инородцы станут сопротивляться – не будут платить ясака и "учнут биться", с такими он должен "поступить воинским поведением». В то же время подчёркивалось "напрасно не чинить жесточи".

На этот раз поход организовывался на государственные средства. В решении указывалось послать в поход 100 человек - 50 человек набрать в Тобольске и 50 в Енисейске и Якутске. Набрать "из казачьх детей и родственников, которые бы к тому делу были искусны, а не хватит казачьх детей – брать промышленных людей". В отряд послать "барабанщика да сиповщика", выдать Атласову знамя полковое, 100 пищалей, 4 медные пушки, 500 железных ядер, 10 пудов пороху, 5 пудов фитиля и 10 пудов свинцу".

Из Сибирского приказа были отправлены грамоты Енисейскому и Илимскому воеводам об обеспечении ими "новоприборных казаков" денежным, хлебным и соляным жалованьем. В Москве Атласову было отпущено на подарки местным жителям "пуд бисера лазоревого да разрешено купить в Соликамске 100 ножей, на что выдано шесть рублей".

26 февраля 1701 года Атласов с группой сопровождения покинул Москву. Караван подвод на лошадях с грузом отправился в дальний путь.

Поначалу всё складывалось благополучно. Воевода "стольного града Сибири" М.Я. Черкасский проявил заботу о формировании отряда и снабжении. В Тобольске были набраны 50 человек из числа казачьих детей и родственников, "приспевших в службу". Они были снабжены продовольствием, им выдали четыре малые пушки, пищали, свинец и дробь. Отряду было вручено полковое знамя, в его состав включён барабанщик и сиповщик. В казачьем воинстве утверждался ритуал марширования под звуки оркестра, что должно было содействовать престижу службы.

Но дальше в Сибири Атласова стали преследовать сплошные неудачи. Воевода Енисейска Глебов, обиженный на московских чиновников, воспринял оказание помощи камчатскому отряду как обузу для себя. Набор новых казаков шёл медленно. Набирали лишь бы кого, порой даже уголовников. Долгое безделье действовало на новичков разлагающе. Тобольские "новоприборные казаки", заскучав по дому, стали искать себе замену. Почти половина состава поменялась. В отряде оказались люди, мало приспособленные к службе.

Почти полтора месяца водил за нос Атласова воевода Енисейска, задерживая отправку отряда. Наконец, были выделены три дощаника. Они были столь плохи, что один затонул сразу же у берега, как только на него погрузили свинец, порох и вещи казаков. А впереди - бурные воды Тунгуски (Ангары), Байкала, Лены. Атласова утешили: дескать, в пути можно обмениваться судами с купцами, которые возвращались домой с товарами. У них же можно пополнить снаряжение. Приказом разрешалось получить товаров на сто рублей. "Если тех товаров не возьмем, то и служить будет не на чем". Казаки, узнав, что хозяин товаров одного из судов недавно скончался в Москве, смело приступили к делу - силой забрали купеческое судно с товарами.

Когда отряд в конце мая 1702 года добрался, наконец, до Якутска (через год и три месяца), у воеводы скопилось много жалоб на бесчинства казаков. Сведения об этом успели дойти и до столицы, откуда пришло распоряжение – строго расследовать нарушения.

Несмотря на заслуги, Атласов и десять казаков были подвергнуты аресту и допросам. Своё участие в разбое "казачий

голова" отрицал, но признавал, что не смог остановить казаков – все их действия преследовали не личные цели.

Часть захваченных товаров пришлось променять на продукты питания, поскольку в Илимске, где отряд зимовал, воевода не выделял положенного снаряжения и продовольствия.

Атласов представил тетрадь с перечнем расходов: кому и сколько выдано товаров, на что они использованы.

После расспросов и очных ставок десять казаков были посажены в тюрьму, а Владимир Атласов – как предполагают историки, под домашний арест.

В 1705 году в Амстердаме вышла книга Николаса Витсена "Северная и восточная Татария", в которой была опубликована "скаска" Атласова об открытии Камчадальской земли. Эта географическая новость бурно обсуждалась в Европе.

В Москве спохватились: "А что с Атласовым и его походом?" Последовало указание: немедленно послать Атласова на Камчатку, сохранив за ним звание атамана и все данные ему привилегии.

На этот раз, мечтая надолго обосноваться на полуострове, Атласов взял с собой жену Степаниду и племянницу.

Но в пути отношения между казаками и руководителем похода обострились. Если при разграблении торгового судна в Сибири он попустительствовал казакам, то теперь стал применять к ним строгие, порой жестокие меры.

В июле 1707 года Атласов с отрядом вышел на реку Камчатку и принял руководство Верхне-Камчатским и Нижне-Камчатским острогами. Он попытался установить мирные отношения с камчадалами и разрешил им добровольный платёж ясака. А содержавшихся в остроге аманатов, т.е. заложников, отпустил на волю. Это вызвало нарекания среди казаков. Тем более, что в отношениях с ними Атласов использовал жёсткие меры, укрепляя дисциплину. Но привыкшие к вольной жизни казаки воспротивились. Недовольство усилилось после похода на Авачу, когда казаков постигла неудача.

В декабре 1707 года, когда сторонники атамана были в отлучке, собирая ясак, недовольные собрали казачий круг и сместили его с должности приказчика.

С помощью друзей Атласову удалось перебраться в Нижне-Камчатск. Но казачьи страсти продолжали бушевать и при новых приказчиках. Бунт возглавил казак Данила Анциферов. Приказчиков сместили, а затем убили. Опасаясь, что к руководству может вернуться Атласов, они решили расправиться и с ним.

В ночь на первое февраля 1711 года группа казаков остановилась в полверсте от Нижне-Камчатска. Грамотному казаку Ивану Козыревскому было поручено написать подложное письмо Атласову.

Трое казаков – Алексей Постников, Григорий Шибанов и Андрей Петровых явились в дом Атласова и вручили ему письмо, якобы от Верхне-Камчатских казаков. Когда он стал читать, Григорий Шибанов внезапно нанёс ему удар ножом в спину.

Оправдываясь, убийцы в челобитной так объясняют причину своего поступка: они пришли в дом отыскать чернобурую лисицу, присвоенную Атласовым.

Из-за черно-бурой лисицы сыр-бор разгорелся еще в 1707 году, когда казак

Данила Беляев распространил слух: якобы Атласов «кутаил у себя добрую чернобурую лисицу», предназначенную в государев ясак. Тогда её не нашли. На этот раз Атласов, дескать, пытался помешать обыску и бросился на них с палахом. В схватке он и был убит.

Во время обыска, говорится в челобитной, были обнаружены у жены "две добрые чернобурые лисицы". Однако по описанию якутских воевод, оказались они "драные и прелые".

В оправдание своей вины убийцы, как пишет С.П. Крашенинников, ссылались на жестокость Атласова, будто «он не давал им съестных припасов, которые с камчадалов збираются; будто сам пользовался оными, а они, прогуляв рыбную пору, претерпевали голод; будто из корысти своей выпустил аманатов, и от того во всех ясачных иноземцев учинилась такая шатость, что ясачные сборщики, посланные на Пенжинское море, едва спаслися бегством; будто колол он на смерть служивого Данила Беляева...». И еще приписывают ему ряд прегрешений.

МИЛЬКОВО

В 1698 году на реке Камчатке казаки заложили зимовье, ставшее Верхне-Камчатским острогом — первым русским поселением на полуострове.

В современном поселке Мильково, расположенном недалеко от бывшего острога, сооружены музей и историко-этнографический центр.
Фото М. Жилина

На это С.П. Крашенников замечает: «Сие оправдание ясно показывает прежнюю злобу служивых людей на Атласова... Он мог не давать им съестных припасов казённых, мог аманатов из корысти выпустить, мог с палашом метаться пьяной, и корыстоваться ясачною казною, как человек лакомой... Но кто тому поверит, что он желал возбудить иноземцев к бунту, ведая, что по убийстве казаков и самому от смерти не избавиться. Что камчадалы на Пенжинском море ясачных сборщиков едва живота не лишили, что в другом месте трёх человек убили, а иных переранили, оное могло учиниться и без Атласова возмущения, тем наипаче, что казаки, может быть, чем огорчили ясачных людей, ибо и на Пенжинском море ясачного сборщика хотели убить камчадалы за то, что он вместо одного соболя, требовал ясаку по два и по три с человека...». («Описание земли Камчатки», 1949, с. 479-480).

Историк Н.Н. Оглоблин подчёркивает: "Убийцы Атласова голословно говорят о жестокости его к ним, причем, приводят только одно имя израненного будто бы Атласовым – Д. Беляева, подавшего на Атласова "извет" о чернобурой лисице. Никаких других служебных и личных грехов Атласова казаки не указывают, тогда как они говорят очень обстоятельно о проступках других убитых ими же камчатских приказчиков – Осипе Липине и Петре Чирикове".

Судьба убийц была трагической. Данила Анциферов и Алексей Постников через год были убиты местными жителями. Непосредственный убийца Григорий Шабанов был казнён в Якутске.

Иван Козыревский был прощён за усердную службу и прииск новых земель. В 1711 и 1713 годах он с группой казаков совершил походы на байдарах на северные Курильские острова Шумшу и Парамушир, получил от местных жителей айнов подробные сведения о всей гряде и первым в мире сделал чертежную карту и описание Курильских островов вплоть до Матмая – нынешнего японского острова Хоккайдо.

Размышляя о казаках, совершавших походы "встречь солнцу", необходимо подчеркнуть: это были люди особого склада.

Дух вольности, страсть к проведыванию новых земель, беззаветная отвага, не требующая поощрений, невероятная

выносливость и терпеливость – вот качества, позволившие им покорить огромные пространства Сибири и выйти к берегам Тихого океана. В истории они получили емкое название: **ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ!**

Казачий атаман Ермак Тимофеевич в 1582 году начинал свои походы в Сибирь. Их продолжили Иван Москвитин и Василий Поярков, Ерофей Хабаров и Михаил Стадухин, десятки других знатных землепроходцев. Завершил сибирскую эпопею XVIII века "Камчатский Ермак" Владимир Атласов.

"Будучи человеком своего времени, Атласов совершал поступки, которые не могут быть оправданы с позиций наших современных представлений. Однако, как бы то ни было, камчатский поход открыл новую полосу географических открытий на Тихом океане и завершил присоединение важных районов Дальнего Востока к Русскому государству". Это мнение доктора исторических наук М.И. Белова, пожалуй, наиболее точно характеризует личность Атласова.

Михаил Жилин

ОТКУДА У КАМЧАТКИ ИМЯ?

«О Камчатской земле издавна были известия, однако по большей части такие, по которым одно то знать можно было, что сия земля есть в свете; а какое её положение, какое состояние, какие жители и прочая, о том ничего подлинного нигде не находилось»

С.П. Крашенинников «Описание земли Камчатки».

Название «Камчатка» с момента своего рождения таит загадочность.

Впервые оно появилось на «Общем чертеже Сибири» в 1667 году., в левом углу карты стоит надпись: Камчатка. А на «Чертеже всех сибирских городов и земель» 1698 года изображена не только река, но и обозначен большой «Остров Камчатой». После похода Владимира Атласова, собравшего многочисленные сведения о новой земле на северо-востоке, известный сибирский картограф С. У. Ремезов создал «Чертеж вновь Камчадальския земли и моря» (1700 г.). На нем впервые Камчатка приобрела вид полуострова. В описях к другим картам говорилось, что живут на реке «неясашные камчадалы»...

Камчатка, камчадалы... Откуда такие названия? Что они означают? Кто дал имя полуострову на краю света?

Споры вокруг этих названий продолжаются вот уже более двух с половиной веков.

Впервые интерес к ним отчетливо проявился во время Второй Камчатской экспедиции. Известный историк Сибири академик Герард Миллер, прибывший в Якутск в 1736 году, запросил у властей различные документы, «особливо о Камчатской земле, о тамошнем народе, кем и в котором годе та земля найдена...» Анализируя «письменные и устные сообщения», он пришел к выводу: «Хотя о происхождении названия Камчатка некоторые склонны говорить, что во времена занятия русскими земли среди камчадалов жил один видный человек, которого называли Кончат, однако, это недостаточно достоверно... Более вероятно, что это имя

пришло впервые к русским от коряков, которые жили на реке Олюторе и на своем языке камчадалов называли «кончало», и поскольку там от этого народа русские впервые получили сообщение о реке Камчатке и камчадалах, то можно предположить, что потому русские так и назвали эту землю, реку и народ. Нельзя ли из этого сделать вывод, что от корякского «кончало» при искаженном произношении в устах сибирских казаков и могло возникнуть название «Камчатка»?

Копию своей рукописи он послал С. Крашенинникову, который на боте «Фортуна» отправился из Охотска на полуостров. 28 октября 1737 года молодой исследователь ступил на берег далекой земли. В сопроводительном письме к рукописи о Камчатке Миллер предписывал Крашенинникову «освидетельствовать оное описание» и если в чем-либо явится «несходно и недостаточно, то оное исправить и пополнить».

Четыре года странствовал Крашенинников по неисследованному суровому краю, собирал сведения о географии полуострова, о народах, живущих здесь, о вулканах и горячих источниках, о животном мире и растительности... Словом, собирал в копилку все, о чем только можно было узнать. Невероятная по объему и материалам для одного человека научная работа — книга «Описание земли Камчатки» — стала подлинной энциклопедией полуострова. Естественно, исследователь жадно интересовался, откуда «есть пошло название Камчатка»?

С некоторыми положениями выводов Г. Миллера Крашенинников согласился, многое «пополнил» во время встреч и бесед с аборигенами, записал ряд версий и высказал свои оценки и суждения по поводу названий. В частности, он отмечал: «Некоторые пишут, аки был помянутой народ камчадалами от россиян прозван по реке Камчатке, которая до их еще приходу называлась Камчаткою, по имени славного воина Кончата, и аки бы россияне от тамошних язычников через знаки приметя, что великая оная река Кончатка по их именуется, всех тамошних жителей прозвали камчадалами. Но сие есть искусный вымысел и предрассуждение: 1) для того, что россиянам с камчадалами через знаки говорить не

было нужды: ибо при них довольно было толмачей из сидячих коряк, которые камчатский язык совершенно знают; 2) что имя Хончат камчадалам неведомо; 3) а хотя бы того имени и был у них человек, то река не могла прозваться его именем: ибо камчадалы ни рек, ни озер, ни гор, ни островов именем людей не называют, но дают им имена по некоем свойственным им качествам или по сходству с другими вещами; 4) что Камчатка река не Коншаткою, но Уйкуал, то есть большею рекою называется, как уже выше объявлено. А с чего коряки камчадалов зовут хончало, о том хотя заподлинно объявить и нельзя, для того, что коряки и сами причины тому не ведают, однако не без основания думать можно, что хончало есть испорченное слово из коочь-ай, что значит житель по реке Еловке, которая течет в Камчатку и Коочь называется...»

Пожалуй, ни одно географическое название на северо-востоке России не вызывало столько любопытства, не привлекало столько исследователей, как это. О происхождении названия «Камчатка» выдвинуто более десятка гипотез. Исследователь В. П. Маргаритов в 1899 году высказал мнение, что название происходит от старинного казачьего слова «камчатое» — неровной, извилистой поверхности. Академик Л. С. Берг, отметив, что слово это перешло к русским через коряков, позже разделил мнение этнографа Е. П. Орловой о том, что этот термин происходит от одного из самоназваний ительменов — «кчамзалх» (человек) и сходного с ним слова «ушкамжа» у Крашенинникова.

В спор попытались ввязаться японские ученые, предложив свою версию, дескать, название образовалось от айских слов «каму» (рыба) и «сяцука» (сушить). Но это утверждение оказалось несостоятельным, поскольку айны (курилы) жили на самом юге полуострова и никогда не доходили в долину реки Камчатки. А в самой Японии, как известно, о Камчатке узнали лишь после открытия ее русскими.

Краевед В. И. Воскобойников в книге «Слово на карте» (1962 г.) приводит легенды коренных жителей полуострова. По одной легенде — название дано по имени корякского богатыря Кончата, победившего в поединке врага и спасшего племя. По другой — по именам молодых влюбленных Кама и Чатки, бросившихся из-за несчастной любви в реку.

«Являясь вершиной устного поэтического творчества, народные легенды показывают смелость, решительность, любовь к свободе народов Крайнего Севера, черты, унаследованные от предков. Но тайны происхождения слова «Камчатка» они, к сожалению, не раскрывают,— отмечает В. И. Воскобойников.— Ведь события в легендах о богатыре относятся к концу XVII века, т. е. к тому времени, когда наш северный край уже фигурировал на чертежах русских картографов как Камчатка или Камчадальская земля».

«Не названия возникают на основании легенд,— подчеркивает краевед В. П. Кусков,— а легенды пытаются объяснить уже существующие названия». Справедливо.

Одни исследователи пытаются привязать топоним к имени Кончат, другие ищут созвучные слова в ительменском или корякском языках, третьи говорят о его русском происхождении. Педагог Н. А. Бондарева высказала мнение, что название исходит из якутского языка (в героическом эпосе «Олонхо» говорится о стране Камчааккытан, где обитают отменно красивые соболя). Но потом выяснилось, что якуты узнали о ней от русских.

Но вот в начале шестидесятых годов привлекательную гипотезу предложил известный ныне историк Борис Петрович Полевой — полуостров назван по имени казака Ивана Камчатого, получившего свое прозвище «по кафтанишку из камчатой ткани (камки)».

Так случилось, что эта версия не подверглась в свое время серьезному критическому осмыслению. Многие справедливо полагали — гипотеза имеет право на существование. И ждали: возможно со временем автору удастся подкрепить ее фактами.

Правда, некоторые краеведы сразу приняли предположение за истину. Отметив, что «гипотеза представляет последнее достижение в этом вопросе», В. П. Кусков в «Кратком топонимическом словаре Камчатской области (1967 г.) уже без всяких оговорок утверждает: «Камчатка — река, названа по фамилии русского казака И. И. Камчатого . Отсюда и название полуострова».

Подобные категорические утверждения нет-нет да и услышишь в разговоре или встретишь в печатных источниках («название принято связывать с фамилией Камчатого»). Так ли это?

Интерес жителей полуострова к загадочному названию не ослабевает. Время от времени появляются противоречивые публикации в газетах и журналах. В 1997 г. издана книга Б.П. Полевого «Новое об открытии Камчатки», в которой исследователь пытается отстоять свою версию о происхождении названия Камчатки.

Занимаясь исследованиями Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, Б. П. Полевой открыл ряд неизвестных страниц в освоении полуострова, проследил некоторые маршруты землепроходцев, установил новые факты в биографии Владимира Атласова, уточнил многие спорные моменты географических открытий на северо-востоке страны. Там, где ученый опирается на документы, обнаруженные в архивах, выводы его весомы и доказательны. Этого, к сожалению, нельзя сказать о его версии происхождения названия Камчатки.

Между первой и последней публикациями исследователя прошло тридцать пять лет. Но за это время автор не смог подкрепить рассуждения достоверными фактами. Выводы по-прежнему базируются на одних лишь предположениях. Как возникла гипотеза Б. П. Полевого?

Работая в архивах, ученый обнаружил в списках казаков середины XVII века, действовавших в районе Индигирки и Колымы, фамилию Ивашки Камчатого. «Тогда-то впервые и возникла мысль: уж не от этого ли прозвища произошло

название реки Камчатки?» — пишет автор. Дальнейшие рассуждения построены с расчетом на этот вывод.

На чем основывается гипотеза ученого? 1) На сходстве фамилии Камчатого и названия «Камчатка»; 2) на предполагаемых (!) маршрутах Камчатого на полуостров; 3) на идентичности названий полуострова и притока реки в системе Индигирки.

У каждого из этих оснований зыбкий фундамент. Рассмотрим эти погрешности.

Первое. Сходство в звучании слов не может служить доказательством, что географическое название произошло от фамилии. В истории топонимики известно множество случаев, когда это вводило в заблуждение исследователей. Название реки Лены, например, произошло не от Елены, как можно подумать, а от эвенкского слова «елюенэ», что означает Большая река. Непривычные названия других народностей были сложны для восприятия русскими казаками. Под влиянием неправильных произношений, различного рода искажений слова изменялись и приобретали новый смысл. Так, река с эвенским названием Охат (Окат) была превращена русскими в Охоту, а от нее получило название и море Охотское.

Второе. Рассуждения автора о маршрутах И. Камчатого не содержат фактов, на основании которых можно сделать вывод, что он побывал на реке в центре полуострова. Попытки же логически обосновать маршрут неубедительны.

Б. П. Полевой пишет: «Куда именно ходил собирать ясак Камчатой в 1658—1659 гг. достоверно неизвестно». А в абзаце выше сказано: «Ясачная книга Чендонского и Омолонского зимовьев 1659 г. начинается с указания, что в ней записан ясак «с новой, с Чендона и Омолона рекбору якутцкого острогу служилых людей Федьки Чюкичева да Ивашки Камчатова».(Норд-Ост, 1984, Б.П. Полевой «Первооткрыватели Камчатки». (с. 23-24). И такие противоречия в статье не единичны.

Обратимся дальше к рассуждениям исследователя. Поскольку Камчатой «пытался проникнуть в район, где

имелась моржовая кость, нет сомнений в том, что он ходил к Берингову морю...», (Там же, с. 24.)

А вот что пишет Б. П. Полевой в книге «Новое об открытии Камчатки» (Ч. I, 1997): «Если мы вспомним, что еще М.В. Стадухин, проплыв от устья Пенжины до устья Охоты, указывал, что на Охотском море «кости рыба зуба нет», то станет очевидным, что казаки с Чендонского зимовья действительно (?) прошли через Парень и низовья Пенжины и оттуда к северной части полуострова Камчатка и там по традиционному пути, с реки Лесной перешли на Карагу и далее на берег Берингова моря». (с. 122).

Допустим, что Камчатой все же достиг побережья Берингова моря. Дальнейший же его маршрут автор конструирует совершенно произвольно, без каких-либо фактов. «Не сумев найти моржовую кость, он (т. е. Камчатой) отправился искать (?) новых «неясашных» мужиков. Вероятно, именно тогда он и узнал о существовании большой реки, которая в дальнейшем стала называться русскими по его прозвищу рекой Камчаткой».

От слов, что маршрут Камчатого неизвестен, автор переходит к гипотетическим рассуждениям, конструирует воображаемый путь, и вдруг приходит к утвердительному выводу(!).

Проследим дальше за логикой рассуждений автора гипотезы. «После успешных (?) походов Камчатого этими районами очень заинтересовался его начальник Федор Чюкичев». Как должен поступить он в таком случае? Конечно же, отправиться в эти районы — на побережье Берингова моря и дальше к Большой реке (Камчатке), о которой узнал его подчиненный. Как же поступает Чюкичев? «Весной 1660 г. он уговорил колымское начальство вновь (!) послать его и Ивана Камчатого на Омолон, Чендон и другие соседние реки...» К соседним рекам Камчатку никак отнести нельзя, она в двух тысячах километров. А слово «вновь» ясно указывает, где собирали ясак казаки. Летом 1660 года, пишет Полевой, Чюкичева с товарищами видели на реке Пенжине. После этого никаких известий о них не было. Позже в донесении

колымского приказного в Якутск говорилось: «...з Блудной реки Федька в 1661 году не выплыл. Посланные на поиски юкагиры сообщили: «...были де на верх Блудной реки у ясадного зимовья, где были служилые люди убиты все, зимовье стоит пусто, а тела мертвы лежат на улице...»

Блудной называли за меняющееся русло реку Омолон. Из приведенных примеров ясно видно, где собирали ясак Чюкичев и Камчатой. Но Б. П. Полевой почему-то не обращает внимания на совокупность им же приводимых в статье фактов, а делает вывод, что зиму 1660—61 г. группа Чюкичева-Камчатого могла провести на реке Никул — притоке Камчатки.

Путь с Колымы и Омолона до реки Камчатки составляет более двух тысяч километров. Чтобы добраться сюда, нужны не только лодки для сплава по рекам, но и транспорт для продвижения по суше. Можно ли совершить без тщательной подготовки столь далекий и сложный поход? Нельзя не принимать во внимание, что на пути были юкагиры и коряки, с которыми порой возникали стычки. Но если все же допустить, что они побывали и на реке Камчатке? Возникает вопрос: кто и как узнал об этом, если вся группа была перебита на Омолоне? Вопросы, на которые ответов нет.

И, наконец, третий аргумент — о том, что в середине XVII века по фамилии Камчатого названы маленькая речушка в бассейне Индигирки (Якутия), а затем Большая река и полуостров. В подтверждение Б. П. Полевой приводит реки, названные по фамилиям казаков — Зырянка, Ожогина, Падериха (Бодяриха), правым притоком которой и является маленькая Камчатка. Но при жизни ли казаков появились эти названия — неизвестно. Во всяком случае в донесениях Чюкичева их нет. На уязвимость аргумента указывал еще в 1963 году краевед В. Воскобойников. Однако ученый отмахнулся, хотя признал: «Если бы в будущем был найден какой-либо чертеж Индигирки XVII века (что мало вероятно), то на нем вряд ли окажется маленькая индигирская Камчатка». Заметим, что на карту она нанесена в 1933 году геологами Верхне-Колымской экспедиции.

Правомерно ли считать, что фамилия ничем не отличившегося казака дала название двум рекам, а затем и огромной территории — Камчатке? Таких прецедентов географическая наука на северо-востоке не знает. Небольшие речушки порой унаследовали имена казаков, но у этих рек они или подолгу промышляли пушных зверей, или погибли там. Проникавшие затем туда казаки в обиходе именовали реки фамилиями своих предшественников. Но делать это стали позже. Даже имен Дежнева, Стадухина, Атласова и других известных землепроходцев мы не встречаем на картах того времени.

Ссылки же на легенду о «знатном воине Кончате» опровергнуты еще С. П. Крашенинниковым, достоверно выяснившим, что камчадалам неизвестно имя Хончат.

Размышляя над многочисленными гипотезами о происхождении названия «Камчатка», приходишь к выводу: корни его лежат у истоков контактов первых русских землепроходцев с коренными жителями северо-восточной Азии.

За несколько лет до исторического плавания Семена Дежнева — Федота Попова (1648 г.) русские казаки слышали о богатом пушным зверем крае. «О камчатской земле издавна были известия, однако по большей части такие, по которым одно то знать можно было, что сия земля есть в свете», — писал Степан Крашенинников.

О степени тогдашнего представления о полуострове красноречиво свидетельствуют первые карты. На одной из них название Камчатка помечено на материке рядом с Амуром и впадает в Восточное море. На другом листе у берегов изображен остров Камчатой. На третьем — полуостров, но в искаженном виде. Все говорит за то, что составлялись эти карты скорее всего не по рассказам очевидцев, а на основании сведений из вторых — третьих уст.

Любопытные слова находим в пояснительных записках к картам, на которых изображены реки: «...а против той Камчатки столп каменный высок гораздо». Не вулкан ли? Наверняка. Только он мог потрясти воображение путников и

в памяти отложился «столп каменный». Действительно, из устья реки видна возвышающаяся каменная громада Ключевского вулкана. Правда, в других описаниях «чертежа» Сибири говорится о «высоком без меры» «каменном столпе», что он «вышел из моря». Но никаких других подобных «столпов» возле устья реки нет. Не исключено, что и здесь сведения получены из вторых-третьих уст.

До похода Владимира Атласова представление о полуострове было неопределенным. Его называли то «Носом на полдень», то «Носом в теплое море», то «Ламским носом». И только в конце XVII века его стали именовать «Камчатский нос», а позже и Камчатка.

Касаясь названия полуострова, С. Крашенинников замечает, «что ни на каком тамошнем языке никакого нет ему общего названия, но где какой народ живет, или где какое знатнейшее урочище, по тому та часть земли и называется. Самые камчатские казаки под именем Камчатки разумеют токмо реку с окрестными местами. Впрочем, поступая по примеру тамошних народов, южную часть камчатского мыса называют курильскою землицею, по живущему там курильскому народу».

Запомним эти важные наблюдения. И отметим: на огромной северо-восточной территории Азии нет ни единого примера, чтобы река дала название обширному краю. А вот способ образования географических имен от названий народностей был распространенным. Река Индигирка, например, получила название от племени, которое там жило — индигир или индагир. По имени якутов названа Якутия, по названию чукчей — Чукотка.

Проникая в неизвестные места на северо-восток, русские «служилые и промышленные люди» узнавали названия новых племен от их ближайших соседей. На основе их сведений складывались и первоначальные географические представления о районах, в которых те жили.

Обратимся снова к наблюдениям С. Крашенинникова: «Впрочем, довольно видеть можно всякому, что мы ни одного народа собственным его именем не называем, но по большей

части таким, каким они назывались от соседей, которые прежде от России завоеваны были, придав имени их свое окончание и несколько испортя. Таким образом камчадалов называем мы по коряцки, ибо камчадал от коряцкого хончала происходит, курильцев по камчатски...»

Действительно, северные народности получали свои названия от ближайших соседей. Якуты, например, от эвенков, которые именовали их екэ. К этому слову добавился суффикс «т», означающий множественное число («екэ» плюс «т» образовало «якуты»). Юкагиры называли своих соседей не их собственными названиями — лоураветланы и нымыланы, а чукчи и коряки. При этом в названии запечатлевалась какая-либо характерная особенность то ли внешнего вида, то ли быта, то ли местности. Так эвено-эвенкийские племена называли юкагиров, которые ездили на собаках, индигир (индагир), что означало собачий род.

В долине реки Уйкоаль (Камчатки) жили ительмены. Их северными соседями были коряки и чукчи. Какую же характерную черту, бросающуюся в глаза, выделяли они у ительменов?

Магаданский этнограф Владилен Леонтьев пишет: «В прошлом у ительменских женщин был обычай носить большие парики, и чем парик был массивнее и солиднее, тем больше почиталась женщина. Эта особенность ительменов не ускользнула от внимания С. П. Крашенинникова: «А у которых волосы малы, те парики объявленным образом сделанные носят, которые весом бывают до десяти фунтов, и голову сенною копною представляют...»

Вот за этот обычай и могли чукчи и коряки назвать ительменов «камчалавтылгыт» (чукот.) и «камчалавтылгу» (коряк.), что значит лохматоголовые, кудрявые, косматые. Но не только этим обращали на себя внимание ительмены. Их традиционная одежда, сшитая из «собачьих кож, из соболей, лисиц, евражек и из каменных баранов» с пушистыми опушками по вороту, капюшону, рукавам, подолу и разнообразными кисточками, казалась пушистой, лохматой. Отсюда могло возникнуть и более сокращенное название

«камчалъыт» (чукот.), «камчалгу» (коряк.) и в единственном числе «камчалъын» и «камчалъо», что значит лохматый, косматый. Вспомним, что на одном из листов «Чертежной книги» С. Ремезова рядом с изображением реки Камчатки — еще до Атласова — была надпись: «А живут по ней не ясашные камчадалы, платье на них собачье, и соболье, и лисье...» Случайна ли эта надпись? Вряд ли. Очевидно, до составителей чертежей все же доходили по рассказам отдельные признаки народности, живущей там. Вполне возможно, что русские и услышали вначале от коряков и чукчей название «хончало», «камчалъо», «камчалъын» и от этих этнонимов образовались слова «камчадалы» и «Камчатка».

На эти же слова, только в трансформированном виде — «хончало», «кончало», «кончат» ссылаются Миллер и Крашенинников. Их поддерживал В. Н. Тюшов, писавший в 1906 году: «И в настоящее время коряки всю местность по долине реки Камчатки называют Кончат, изменяя последнюю в кончаток для обозначения места действия ».

То обстоятельство, что в 20—30-х годах XX-го столетия в языке коряков не обнаружено этих слов, использовано Б. П. Полевым в качестве одного из слагаемых для опровержения гипотезы Миллера — Крашенинникова.

Однако, как справедливо отметила научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Н. Старкова, «исчезновение некоторых слов из лексикона малых народов и замена русской терминологией является обычным и закономерным, особенно когда отсутствует изолированность и усиливается процесс усвоения русского языка».

Кстати, Н. Старкова — ительменка, знающая родной язык, исследовавшая материальную культуру своего народа. В статье, опубликованной в сборнике «История, социология и филология Дальнего Востока» (1971 г.) она поддерживает толкование топонима Миллером и Крашенинниковым. «Весьма вероятно, — пишет она, — что в образовании слов «Камчатка, камчадал» участвовало не одно лишь корякское

название кончало, кончаток, а еще какие-либо созвучные с Камчаткой термины, которые могли как-то подчеркивать характерные черты страны или ее народа. Так, например, нам известно ительменское слово *къмчал* — вид юколы».

Такое же слово «*къмчал*» сообщил автору научный сотрудник Камчатского отделения ТИПРО А. Остроумов. Оно бытовало в 50-60-е годы XX-го века у камчадалов в долине реки Камчатки и обозначало «жир, капающий с лосося».

Учеными обнаружены в ительменском языке ряд слов, созвучных исследуемому топониму. И.И. Огрызко приводит слова «*камчачу*», что значит «*мыс*». Это же слово имеется в рукописи С. П. Крашенинникова с пометкой, что ительмены называли мыс Лопатку «*комчачу*», то есть продолжение. Этнограф Е.П. Орлова приводит слово «*кчамзалх*» (человек), и множественное число – «*кчамзален*»

Новый взгляд на происхождение названия полуострова представил научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН доктор филологических наук А.А Бурькин из Санкт-Петербурга.¹

До сих пор топоним «Камчатка» рассматривался исследователями в основном с исторической точки зрения. А.А. Бурькин впервые провел лингвистические исследования в комплексе с историческими, географическими и этнографическими источниками.

Исходными точками стали выделенные автором несколько бесспорных лингвистических фактов, связанных с происхождением топонима «Камчатка». Что это за факты и о чем они свидетельствуют? Обратимся к автору:

«1. Сообщения С.П. Крашенинникова о том, что оленные коряки называли ительменов *хончала*, *хончало*, хотя «и сами причины тому не ведают»; таким образом, камчадалов

¹ А.А. Бурькин «Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства региона (Очерки по топонимике и этнонимике Восточной Сибири). – СПб, 2006.

называем мы по-коряцки, ибо камчадал от коряцкого *хончала* происходит». Данный этноним – название ительменов, бытующее у оленных коряков, существует как факт и требует к себе внимания, при этом его связь с происхождением топонима Камчатка фактически неоспорима – кроме прямых свидетельств XVIII в., на нее указывает очевидное сходство слов.

2. Очевидный факт, что название ительменов «камчадалы» явно не русского происхождения, так как в русском языке суффикс названий народов – *дал* отсутствует. Компонент – *дал* вычленяется в слове *камчадал* только по аналогии с названием Камчатка. В статье Б.П. Полевого сказано, что не вполне ясно, каким образом из названия Камчатка могли возникнуть слова «камчадал» и «камчадалка», однако в примечаниях оговорено, что эта фраза вставлена в текст статьи вопреки желанию автора, и разъяснение происхождения этнонима «камчадал» будет дано автором в XXIV выпуске сборника «Страны и народы Востока». К удивлению заинтересованных и заинтригованных читателей, в названном выпуске сборника «Страны и народы Востока» такой статьи Б.П. Полевого нет. Сказать, что этноним «камчадалы» связан с названием местности Камчатка, – это значит ничего не сказать: от названия местностей на северо-востоке Азии образовано множество этнонимов-названий территориальных групп, причем, такая закономерность характерна для многих языков, не состоящих в родстве друг с другом.

3. Сообщение Я. Линденау о том, что коряки камчадалов называют кончалал [Kontshalal], то есть люди, которые живут на конце, а саму Камчатку называют Кончанут [Kontschanut]. Судя по конечному – л, этноним *кончалал* мог быть записан Я.И. Линденау от эвенов. Форма Кончанут достаточно прозрачна и понятна – компонент – *нут* отождествляется с чукотско-корякским словом *нутэ-нут* «тундра», «земля», «край», следовательно, первая часть такого названия – *Конча* – соотносится либо с названием местности, либо с какой-то ее характеристикой...».

Автор проанализировал повторяемость топонимов, соотносимых с географическими названиями и пришел к выводу: «среди географических названий на Северо-Востоке «наиболее сходным с названием Камчатка оказывается название – *Канчалан*, которое носят несколько объектов – река, лиман, залив и поселок на Чукотке поблизости от устья реки Анадырь». Названия Камчатка и Канчалан настолько сходны друг с другом, что при явном тождестве языковой основы – чукотский и корякский языки принадлежат к одной группе – общность языкового источника и общность происхождения названия Камчатка и названий реки, лимана, поселка Канчалан практически неоспорима. Следовательно, название Камчатка определенно имеет чукотско-корякское происхождение».

Характерно, что «название Канчалан объясняется самими чукчами – жителями города Анадыря из чукотского *к'онтылян* или *к'унчычен* – «один переход, одна кочёвка». «Скорее всего, – пишет А. А. Бурыйкин, – форма *хончало*, приводимая Крашенинниковым, воспроизводит корякское слово *к'ончалг'о*, – живущие на расстоянии одного перехода. По-чукотски то же самое слово должно выглядеть как *к'ончалыт*, и оно, как указано выше, реально существует – это название территориальной группы канчаланских чукчей, бытующее у их соседей. Таким образом, название ительменов «камчадалы» выводится из корякского *к'унчычелг'о*, *к'онтылялг'о* (по-чукотски те же формы должны выглядеть как *к'унчычельыт*, *к'онтылялыт*) – живущие на расстоянии одного перехода, одной кочевки', а название Камчатка – из корякской формы направительного падежа *к'ончайтын'* и соответствующей чукотской формы – *к'ончагты'* (на одну кочёвку, на расстояние одного перехода). Здесь же можно добавить что «патронимия Ханчалан существует среди эвенов, живущих в пос. Гижига Северо-Эвенского района Магаданской области и в наши дни, причем эта семья имеет корякское происхождение».

А.А. Бурыкин проанализировал карту 1667 г. (общий чертеж Сибири 1667г.) и обратил внимание на существенную деталь.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВ «КАМЧАТКА» и «КАМЧАДАЛЫ» (исследование доктора филологических наук А.А. Бурцева (г. Санкт-Петербург))	
«КАМЧАТКА» Кончатка Кончанут Канчалан К'онтылян (чук.) или к'унчычен (один переход, одна кочевка) К'ончайтын (кор.) или к'ончагты (чук.) (на расстоянии одного перехода)	«КАМЧАДАЛЫ» (камчадал) Кончалал Хончалал Хончало К'ончалг'о (кор.) К'ончалгыт (чук.) К'унчычелг'о (кор.) К'унчычелгыт (чук.) (живущие на расстоянии одного перехода, одной кочевки)

На пространстве между Амуром и устьем Лены помечено название «Качатка» (при том, что непонятно значение буквы «м» сверху слова – то ли это пропущенная буква в слове «камчатка», то ли обозначение какого-либо географического объекта). Однако, перед названием отсутствует буква *p* – «река», которая сопровождает все другие гидронимы. Возможно, считает исследователь, что это название наносилось на карту без твердой уверенности, что оно связано с рекой, и уж во всяком случае, можно смело утверждать, что тот, кто обозначил эту реку на карте, понятия не имел, где она находится – ориентиры для более точного определения месторасположения реки Камчатки на названной карте отсутствуют. На карте 1701г. название Камчатка и Камчатой Нос встречаются в нескольких местах. «Что это за странное наименование, встречающееся в самых разных местах и привязываемое к конкретной реке или полуострову

лишь в сознании современных ученых? – спрашивает автор, и поясняет: на момент появления русских землепроходцев между ними и местным населением существовал плотный языковой барьер. В таких условиях, полагает ученый, за название реки, мыса, горы, поселения можно было принять что угодно, в том числе и название ближайших соседей, и расстояние до соседней реки или поселения. Именно поэтому корякское слово *хончало* и не было расшифровано.

Предметом поисков историков и географов был этноним – название какого-нибудь народа, а вместо него оказалось обнаруженным заместительное наименование – «ближайшие соседи, до которых один переход».

Ещё сложнее было с языком ительменов-камчадалов. Владимир Атласов сообщает в «Скаске»: «И с теми камчадальцы всякую речь, о чем русским людям доведетца говорить, говорят коряцким языком ясыри, которые живут у русских людей. А он, Володимер, по коряцкому и камчадальскому языку говорить ничего не знает». «Становится понятной, – пишет А.А. Бурыкин, – неопределенность названия «Камчатка» и его повторяемость применительно к разным объектам в конце XVII – начале XVIII вв. в документах и на картах.

Исследователь обращает внимание, что С.П. Крашенинников зафиксировал ещё одно название, которое, судя по всему, является общим по значению с названием Камчатка. Он писал о коряках, живущих на острове Карагинском: «На помянутом острове живут коряки, которых, однако, прочие за свой род не признают, но называют их Хамшарен, то есть собачьим отродьем...». Сходство этого слова с корякскими словами *к'ончалг'ын* – 'живущий на расстоянии одной кочевки' и *к'онча-ран* – 'жилище, находящееся на удалении в одну кочевку – очевидно». Этот остров действительно расположен достаточно близко от полуострова.

Автор приводит еще ряд аргументов в опровержение версии Б.П. Полевого. В частности, в документах 1668-1670 гг., связанных с именами Ивана Ермолина и Ивана Рубца,

фигурируют написания *Кончатка* и *Комчатка*. Об этом писал Б.П. Полевой в своих ранних статьях, но позднее он не упоминает форму *Кончатка*. Между тем, эти формы являются хотя и не самыми старыми из известных, но одними из старейших. «Форма *Кончатка* наиболее близка к её возможному произношению в языке-источнике», – заключает А.А. Бурькин.

Добавим к этому: в русском языке были слова, созвучные с употреблявшимися северными народами. В Толковом словаре В.Даля есть слова: камчатка, камчатник. Так называлась полотняная узорочная ткань, идущая на скатерти и полотенца.

Получая сведения от коренных северных жителей – юкагиров, чукчей, коряков, казаки воспринимали незнакомые термины и слова на свой лад. Они произносили их так, как было привычно и удобно им. Трансформируясь, слова приобретали порой новые понятия. Так слова «канчалан» (живущие на расстоянии одного перехода, одной кочевки), в восприятии казаков стали обозначать народ, живущий по соседству с коряками. Его стали звать камчадалами. Позже выяснилось: эти жители называли себя ительменами. Большую реку казаки стали называть Камчаткой, а местность, где жили ительмены, Камчадальской землёй. Южную же часть полуострова, где жили курилы (айны), они называли «Курильская земля».

Каким же образом сведения попадали к картографам в Тобольск — об этом, к сожалению, история хранит тайну.

Камчатка, камчадалы... Названия эти практически не изменялись со времени своего появления на картах. Почему? Очевидно потому, что родились на народной основе, из языка коренных северных жителей, лишь видоизменившись в произношении русских. Они стали близкими и родными как для коренных жителей полуострова, так и для русских.

Михаил Жилин
Виктор Борисов

ПАМЯТНЫЙ КРЕСТ

Владимир Атласов ставит крест в долине реки Камчатка. С картины неизвестного художника

В 1697 году казачий пятидесятник Владимир Атласов во время похода казаков и промышленных людей на полуостров установил крест в долине реки Камчатки.

О Кресте Владимира Атласова стало известно от участника Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) Степана Крашенинникова. Он видел этот крест спустя сорок лет после похода казаков и оставил о нем сведения. В своей книге «Описание земли Камчатки» он сообщает: «...течет в Камчатку с левой стороны речка Канучь, которая от российских жителей называется Крестовою, потому что близ устья её находится крест, который при первом российском походе на Камчатку поставлен со следующей надписью:

«СЕ. году, июля ГІ. дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов со товарищи НЕ. человек».

Что означают буквы СЕ, ГІ, НЕ?

До 1700 года все цифры обозначались буквами славянского алфавита. СЕ – это 7205 год от сотворения мира или 1697 год от Рождества Христова, ГІ – это 13, а НЕ – это 55.

Таким образом, следует читать: «205 (1697) года, июля 13 дня, 55 человек».

Крест служил не только ориентиром для похода казаков, но и закреплял их приоритет в открытии земель, символизировал присоединение этой территории к Российскому государству. Такова в те годы была мировая практика.

Установка креста В. Атласова. 20 сентября 2000 года.

Слева направо: Б. А. Невзоров (глава Усть-Камчатского района), А. Г. Коваленков (руководитель авиационно-туристической компании «Кречет»), потомок землепроходца Е. И. Атласов, В. А. Бирюков (губернатор Камчатской области), отец Ярослав, Н. В. Бянкин (атаман камчатских казаков), Колесников (управление культуры областной администрации).

Исследователь Г.А. Леонтьева считает, что крест был поставлен 13 июля неслучайно. Вот что она пишет в книге «Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки».

«Часто верующие люди давали своему святому патрону, т.е. святому, имя которого им давалось при крещении, по завершении многотрудного дела поставить крест «по обещанию». Этим трудным делом для Атласова были организация экспедиции, поход на Камчатку, первые шаги в новом регионе. Постановку креста Атласов приурочил к празднику святого равноапостольного князя Владимира, который был патрональным святым (покровителем) и землепроходца и его отца.

По православному календарю праздник святого равноапостольного князя Владимира падает на 15 июля (старый стиль). Крест был поставлен 13 июля (старый стиль), т.е. за два дня до праздника. Таким образом сам землепроходец подсказал дату присоединения Камчатки к России – 13 июля 1697 года. Если учесть, что между старым стилем (Юлианским календарем) и новым календарным стилем (Григорианским календарем) разница в XVII веке составляла 10 суток, то датой присоединения Камчатки к России по современному Григорианскому календарю следует считать 23 июля 1697 года».

Крест со времени Атласова стал памятным местом. Реку Канучь стали именовать Крестовой. Крашенинников, рассказывая о местах остановок во время поездки по реке Камчатке, упоминает острожек Кресты, Крестовское.

Ещё до прихода русских выше по реке Канучь находился ительменский острожек. Крашенинников пишет, что в Крестовском останавливались на ночлег, когда спускались по реке Камчатке. Путь от Верхне-Камчатского острога до Крестов занимал 7 дней. Чтобы переправиться отсюда на западное побережье до Тигиля, существовало два пути. Один – по Еловке,

на который уходило более двух недель. Другой – по реке Крестовой с переходом на Хариузову (Хайрюзову). Он был на два-три дня короче.

После Крашенинникова сведений о наличии креста в долине реки Камчатки у исследователей и путешественников не встречается. Протоиерей П. Громов в середине XIX века отмечал: «Креста ныне нет; но от него река Кчанутчш получила название Крестовой, а от ней и самоё селение, состоящее из нескольких семей пашенных крестьян, давних переселенцев с Лены, названа Крестовским».

Когда на Камчатке в 30-х годах XX столетия стали создавать колхозы, оказалось, что близ Крестов нет благоприятных мест для возделывания сельскохозяйственных культур. Властями было принято решение о переселении жителей на новое место – в Красный Яр. «Однако еще долгое время мы жили в Крестах, а работать ездили в Красный Яр, – вспоминает В.М. Чудинова (Фомич). – Это в 7 километрах, если идти по линии связи, а напрямую 4 километра, но летом по тундре не пройдешь – вода. В Крестах была часовня, возле дороги в Ключи, а за часовней – старое кладбище». В конце пятидесятых годов село прекратило своё существование.

В бассейне нижнего течения Камчатки есть несколько мест с названием Кресты, Крестовское.

Перед тем, как сделать последний поворот, вырваться на равнину и дальше нести свои воды в Тихий океан, река Камчатка ниже Ажабачьего озера прорезает горный хребет Коврижку. Несколько сот метров отделяют это место от протоки, вытекающей из озера Крестовского, что на левом берегу. Вся местность между протокой и крутым поворотом носит название «Кресты». Руководитель зоологического отдела экспедиции Рябушинского П.Ю. Шмидт в 1908 г. отмечал: «Наверху одного из бугров видны

точно валы прежнего укрепления и большое число юртовых ям. Древнее поселение камчадалов видно и еще полверсты выше по реке, в местности, которая называется «У Креста».

Не исключено, что эти названия связаны с последующими походами русских казаков, которые ставили кресты, служившие им ориентирами. По некоторым сведениям, не подтвержденным однако документами, существовал крест и на самой южной оконечности Камчатки – мысе Лопатка.

В 1959 г. краевед Валерий Воскобойников и командующий Камчатской флотилией Герой Советского Союза вице-адмирал Григорий Щедрин проявили инициативу по восстановлению исторического креста Атласова.

По их чертежам работники Ключевского деревообрабатывающего комбината сделали восьмиконечный крест. 9 августа 1959 г. при участии жителей поселка Ключи и моряков Петропавловского гарнизона он был установлен на левом берегу реки Белой. Такое название вместо Крестовой (Канучь) появилось на картах в конце XIX столетия.

К прежней исторической надписи Атласова на памятном знаке были добавлены слова: «Восстановлен в честь русских землепроходцев, открывших Камчатку. 9. VIII. 1959 г.».

Деревянный крест простоял почти 29 лет и стал разрушаться. 21 мая 1988 г. он был заменен новым. Его поставили комсомольцы Ключевского леспромхоза и школьники средней школы № 4. В записке, уложенной в капсулу и зарытой у подножья креста, были указаны фамилии участников его восстановления: Рудевицкая Виктория Анатольевна, Рудевицкий Андрей Геннадьевич, Рудевицкий Денис, Чуркин Анатолий Васильевич, Мордовина Ольга Владимировна, Мордовин Александр Васильевич, Афанасьева Оксана, Барледин Саша, Камелин Виталик, Красьильникова Маша, Мельникова Лена,

Павловский Лёша, Салашенко Дима. Ребята давно стали взрослыми, но несомненно, на всю жизнь сохранили они святое чувство причастности к благородной акции.

Со временем крест зарос тальником и совершенно не был виден и с реки Белой, и с реки Камчатки. По существу, он перестал соответствовать своему назначению. Во время съёмок историко-документального фильма «Камчатский Ермак» (о походе Владимира Атласова на Камчатку) съёмочная группа (М. Жилин, А. Коваленков, А. Саква) проявили инициативу по его замене.

Работу по восстановлению памятного исторического знака возглавил руководитель авиационно-туристической компании в городе Елизово Анатолий Коваленков. Крест был сделан из лиственницы. Надпись старославянскими буквами воссоздал художник Артур Ковалев.

На вертолёте крест был доставлен к устью реки Белой – левому притоку Камчатки. Здесь 20 сентября 2000 г. состоялась торжественная церемония по его установке. В ней участвовали губернатор Камчатки Владимир Бирюков, глава администрации Усть-Камчатского района Борис Невзоров, атаман камчатских казаков Николай Бянкин, краеведы, предприниматели. Были приглашены школьники из Ключей.

Торжественности момента особое значение придало присутствие одного из потомков землепроходца – Евгения Ивановича Атласова, геолога, исследователя сибирских недр.

Освящая Крест, отец Ярослав сказал проникновенные слова: «Мы стоим на том месте, где 300 лет назад ступала нога наших первопроходцев, где они, выйдя на берег с лодии, осеняли себя крестным знаменем, брали топор в руки, вырубали дерево, совершали молитву и водружали на этом месте крест. Если проникнуться тем временем — какой подвиг, какое рвение, какая

вера, какое дерзновение было у этих людей. Вечная им память.

Господь действительно по делам воздаст им!»

Евгений Иванович Атласов. Фото М. Жилина

Из устья реки Белой, где установлен памятный крест, открывается живописный вид на Ключевской вулкан – крупнейший действующий вулкан Евразии.

В последнее время подвергнуто сомнению, что современная река Белая – это река Крестовая (Канучь). Камчатский исследователь Валерий Быкасов считает, что в XIX веке Крестовая сменила нижнюю часть своего русла и ушла на 12 километров выше по течению реки Камчатки.

В. Быкасов подчёркивает: и С. Крашенинников, и К. Дитмар в своих исследованиях не отождествляли эти совершенно разные реки. Белая (Ошачь) берёт начало в кратере вулкана Чашаконджа (Белого), а Крестовая (Канучь) – на склонах Срединного хребта. Три века назад Белая в километре от устья впадала в реку Крестовую.

Позже Крестовая изменила своё русло, самую нижнюю часть которого унаследовала река Белая. А устье Крестовой переместилось на 12 километров выше по течению Камчатки. На карте в этом месте отмечена река Половинная. По мнению В. Быкасова, её и следует понимать под р. Крестовой.

Берега Камчатки и русла рек в период бурного половодья часто меняют свою конфигурацию. Не исключено, что во времена Атласова крест находился несколько в ином месте, чем находится ныне.

НОГАМИ ОТМЕРЕН ПУТЬ К КЛАДАМ

- Познакомьтесь: Атласов Евгений Иванович...

Друзья представили нас. Чуть улыбнувшись, он протянул руку. Перед нами стоял человек крупного телосложения. «Наверно, таким же сильным был и его предок, казачий атаман Владимир Атласов», - мелькнула мысль.

Начавшийся разговор продолжить не удалось. Евгения Ивановича позвали на процедуры. Он проходил курс лечения на Тимоновских горячих ключах в верховье Средней Авачи.

Художника Артура Ковалёва и меня доставил сюда на вертолёте Анатолий Георгиевич Коваленков, руководитель авиационно-туристической фирмы. Мы вели подготовительные работы для съёмки историко-документального фильма «Камчатский Ермак». Артур намеревался писать портрет великого землепроходца. Я собирал материал для сценария фильма. Знакомство с потомком землепроходца могло дать дополнительный материал для работы над фильмом.

Пока Евгений Иванович принимал лечебные процедуры, мы с Артуром Ковалевым пошли на горячие ключи. От дома-гостиницы и бассейна ключи находятся в полчаса ходьбы. Еще издали донесся шум бегущей воды. В узком горном распадке с бешеной скоростью неслась река и, вырываясь из каменного плена, вливалась левым притоком в Среднюю Авачу. По обоим берегам реки выбивались на поверхность горячие источники, образуя небольшие озера, в которых можно было принимать ванны.

Тимоновские источники многих исцелили от недугов. Евгений Иванович, прослышав о целебной силе горячих ключей, прилетел на Камчатку с Ямала. По профессии он геолог. Много лет работал в геологических экспедициях. Тысячи километров исходил по сибирской тайге и тундре, преодолевая ледяные реки, попадая в экстремальные ситуации «По молодости казалось все нипочем. Молодой организм все недуги преодолевал. Но со временем стали подводить ноги...Побывать на Камчатке хотелось давно. Но геологические маршруты проходили далеко от полуострова. Все дела,

дела... Откладывал встречу на будущее. А теперь вот необходимое! привела сюда. Ну и, конечно, стремление увидеть землю, которая стала известна людям после похода Владимира Атласова».

Наша встреча состоялась в конце лета. Евгений Иванович побывал в местах, где пролегал маршрут первопроходцев, и улетел к себе на Ямал, где жил и работал. А зимой, снимая в архивах и музеях кадры для фильма, мы оказались в Санкт-Петербурге в гостях у его родителей - Ивана Ивановича и Ирины Александровны. Даже человеку неискушенному в геологии нетрудно было догадаться о профессии хозяев квартиры. На стеллажах, полках, в серванте были разложены разнообразные камни - образцы пород и минералов, отшлифованных и обработанных.

Иван Иванович взял с полки прозрачный камешек. И я вижу, как при соприкосновении с ним в его глазах вспыхивают искорки.

- Это исландский шпат, ценнейший материал. В этом кусочке 3-5 мм кондиционного сырья. В те годы, когда мы открыли это месторождение в Сибири, он использовался в нашей стране в атомных лазерах. Этот минерал обладает очень высоким коэффициентом преломления луча. Перед ним не могут устоять самые крепкие металлы и сплавы. Исландский шпат приобретала у нашей страны Япония, где он использовался при производстве первых телевизоров, потом его заменили полароиды. Случалось, кристаллы шпата мы обнаруживал величиной до 4-х метров, размером с комнату.

Иван Иванович с отличием окончил Магаданский горный техникум. Затем работал и заочно учился в институте. Участвовал в экспедициях на север Сибири и за полярным кругом, где морозы у 70-градусной отметки - частое явление. В Красноярском крае в геологической партии познакомился с Ириной Александровной, ставшей его женой. Там же, в Сибири, посчастливилось участвовать в открытии ряда месторождений полезных ископаемых.

Иван Иванович показывает образцы камней. «Это употребляется в космической технике. Этот - в строительстве, этот - при отделке зданий...». - А это керамикит - поделочный камень. Открытие его

месторождения - на счету жены. Проходя маршрутом в поисках исландского шпата и сопутствующих минералов, она обратила внимание на ноздреватую породу на берегу реки Керамки, что в переводе с эвенкийского означает Трезубец - место слияния трёх ручьев. Когда-то магма при извержении и соприкосновении с водой и песком вспенивалась, а при застывании превращалась в пористый камень, как пемза на Камчатке.

- С 80-х годов мы участвовали в разведочных работах на нефть и газ, - рассказывает Иван Иванович. - Заочно окончил аспирантуру в Москве при ВНИИ геологоразведки по специальности «Геофизические методы поисков нефтяных и газовых месторождений». Возглавлял Восточно-Сибирскую опытно-методическую геологическую экспедицию. На её базе в 90-х годах был создан экологический центр при министерстве, сфера действия которого распространялась от Тюменской области до Чукотки и Камчатки. Потом и её упразднили, оставив лишь меня консультантом Министерства геологии. Друзья шутили: «Единственный консультант в геологии по экологии».

Иван Иванович берет в руки образец кварца.

- Это розовый кварц, он не кондиционный, но дорог как память. Друзья подарили на моё 60-летие. Возьмешь в руки - ощущаешь тепло друзей, с которыми столько пройдено в маршрутах...

- С нами в экспедиции с 7-летнего возраста ежегодно уезжал сын Евгений, - вступает в разговор Ирина Александровна. - Естественно, он тоже выбрал профессию геолога. Окончив Институт в Ухте, работал в Туруханске, Игарке. Затем перешел в нефтеразведочную экспедицию в Тарке-Сале на Ямале, где стал ведущим, а затем главным геологом.

Начало 90-х годов - тяжёлые для разведчиков недр времена: отмена госзаказа, износ основных фондов, консервация разведанных скважин..

В 1993 г. два геологоразведочных предприятия на Ямале создали нефтяную компанию «Янгпур». Генеральным директором её назначили Евгения Ивановича Атласова. В сложных экономических

условиях того времени коллективу удалось не только наращивать

Евгений Иванович Атласов

объем добычи нефти, но и интенсивно вести поисково-разведочные работы. Было открыто два перспективных месторождения нефти. За короткое время компанию удалось сделать успешным предприятием.

Основные виды её деятельности - геологоразведка, добыча нефти, газа и конденсата. Природные условия Ямала очень сложные. Вечная мерзлота. Летом непроходимые болота. В феврале температура понижается до минус 61 градуса, в июне-июле - до плюс 34-х. Добыча традиционным методом затруднена. Специалисты сделали упор на применение одной из самых передовых технологий - гидроразрывов пластов. Компания обеспечила эффективную разработку трудно извлекаемых запасов нефти. К сожалению, тяжёлая болезнь ног не позволила Евгению Ивановичу продолжить работу

Во время беседы в гости пришел еще один Атласов - Арнольд Иванович и выяснилось, что он тоже геолог, как и его отец Иван Паисьевич, и младший брат отца...

- В роду Атласовых много геологов. С чем это связано? - не удержался я от вопроса.

- В 1970 году к нам в геологическую партию в Сибири заехал Владимир Высоцкий. «Аа-а-а, бродяги!.. - приветствовал он нас. И процитировал строки своей песни: «Бродяги бродят в душах наших предков... Ну а тут, я смотрю, и в потомках!» - заметил он, познакомившись с нами. Наверное, в этих словах нужно искать ответ на ваш вопрос, - сказал Иван Иванович. - Бацилла странствий, тяга к неизведанному, очевидно, поселилась у нас в генах еще с древности...

Мы неспешно беседовали, касаясь то одной, то другой ветви большого родословного древа Атласовых.

- Наше родовое гнездо - Якутск, - подчеркнул Арнольд Иванович. - И мой отец, и я, и Иван Иванович

- мой двоюродный брат, и многие из нашего большого семейства из этого города на вечной мерзлоте. Как и далёкий предок - казачий атаман Владимир Атласов.

Разговор переключился на родоначальника геологической династии Ивана Паисьевича. Он ровесник века двадцатого. Был одним из создателей геологической службы в Якутии. Стал доктором геолого-минералогических наук, профессором. Из рассказов, воспоминаний предстала удивительная судьба человека, на долю которого выпала тяжёлая ноша быть первопроходцем в сложное время.

В конце гражданской войны 20-летнего грамотного парня из далёкой Якутии направили в Петроград на военно-топографические курсы. Затем два года работал геодезистом-топографом в сибирской тайге. Ко времени поступления на геологический факультет Томского университета он уже обладал практическим опытом. На каникулах уходил с геологами в экспедиции. Неслучайно после окончания университета он получил приглашение в Институт геологической карты в Ленинграде. Но туда попал спустя полгода - из Томска после защиты диплома сразу уехал на полевые работы в Забайкалье. Его назначили начальником партии.

Мы беседовали, перебирая веки жизненного пути Ивана Паисьевича. Судьба повернулась так, что в 1930 году институт направил его из Ленинграда в родные места - в Якутию. Страна приступала к освоению северных районов. Требовались люди знающие, крепкие, выносливые, способные претерпевать неустроенность быта, выдерживать тяготы походов в местах нехоженных и труднодоступных, а порой и опасных. Экспедиции предстояло провести геологическую съемку на обширной площади в бассейне среднего течения реки Лены и ее притоков.

Не счастье, сколько верст отмеряно ногами с геологическим молотком и рюкзаком для сбора образцов пород и минералов. Ломом и киркой долбили шурфы — надо было не только оценить выходящие на поверхность обнажения пород, но и «заглянуть вглубь», выявить последовательность залегания геологических образований или, как говорят геологи, изучить стратиграфию земных недр.

Пять тысяч квадратных километров - такая площадь была покрыта геологической съёмкой за полевой сезон. Одновременно были составлены разрезы кембрийских отложений, собрана первая большая коллекция древнейших ископаемых животных, которая вместе с другими палеонтологическими находками послужила для разработки основ стратиграфии кембрия, что в будущем привело к открытию нефти в Сибири.

- В тайге в экспедиции отец встретился с будущей моей матерью, - говорит Арнольд Иванович. - Ольга Васильевна Стрелова окончила медицинский факультет в Иркутске и работала врачом. Верхом на лошади она пробиралась к пациентам в дальний улус. Оказалось, отец знаком с ней по детским годам в Якутске. Их пути пересеклись, чтобы не разлучаться.

- В конце 1935 года наша семья переехала в Ленинград, - продолжает рассказ Арнольд Иванович. - Отец работал в Институте Арктики, в геологическом отделе. Но семья вела по существу кочевой образ жизни. Экспедиции вновь привели отца на север Якутии. Случались иногда поразительные совпадения. Однажды судьба забросила его геолого-съёмочную партию в Алдано-Майский район, где полтора века назад пролегали казачьи маршруты Владимира Атласова и тот доставил в Якутск сведения о находке там слюды. Но теперь его потомку в веке двадцатом суждено было досконально

исследовать земные недра, чтобы выявить месторождения полезных ископаемых.

Арнольд Иванович разворачивает папку и в подтверждение своих слов показывает газету «Геолог Якутии», где напечатана статья об отце.

Работая на севере, Ивану Паисьевичу пришлось возглавлять две крупнейшие зимовочные экспедиции в необследованных районах - Восточно-Верхоянскую и Нижне-Колымскую. В Верхоянье было обнаружено железорудное месторождение. А в южных районах Полоусненского хребта установлены выходы гранитов, кварцевые жилы, проявления касситерита, установлены признаки металлического оруденения (золота, олова, вольфрама). На основе этих исследований были развернуты поиск и разведка, которые привели к открытию крупнейшего месторождения олова. В будущем здесь был построен обогатительный комбинат и поселок, известный в стране под названием Депутатский.

В период Великой Отечественной войны Иван Паисьевич по заданию правительства занимался исследованием в приполярных районах топливных ресурсов для портов, создаваемых вдоль Северного морского пути.

Я обратил внимание на один из пожелтевших снимков в альбоме, где рядом с геологами стояли изможденные лошади с увесистыми вьюками.

- Лошадям памятник нужно ставить за их огромную роль в освоении северных территорий, - перебивая друг друга оживленно заговорили Иван Иванович и Арнольд Иванович. - Обычно на севере хвалу воздают собачьим упряжкам. И это справедливо. Но роль лошади как помощника человека, не меньше. Якутская лошадь неприхотлива. Зимой эти северные мустанги сами добывают себе корм, копытами разгребая снег. Но порой геологи работали в таких местах, где не было ни дерева, ни кустика травы - голая каменистая тундра. Отказаться от лошадей? На как доставлять образцы камней и совершать переходы с грузом? А расстояния - сотни километров. Иван Паисьевич вспоминал: выдавая на базе лошадей, говорили: хорошо, если треть останется в живых. В начале пути везли с собой сено. Но оно быстро заканчивалось. Рубили побеги тальника, смешивали с отрубями. Экономили, как могли - лошадей на голодном

пайке держали. Однажды, не выдержав, они сорвались с привязи - невозможно было удержать обезумевших от голода животных. Приходилось последним делиться с ними - без лошадей и человеку часто не было возможности выжить.

Мы вспомнили первых землепроходцев: Владимир Атласов с казаками отправлялись в поход по безлюдным горным местам на лошадях и, лишь достигнув тундры, где кочевали оленеводы, использовали оленей.

С пятидесятых годов объектом исследований Ивана Паисьевича на долгие годы стала геотектоника Арктики. Защищена докторская диссертация о строении восточной части Сибирской платформы. «Он знал её строение как свои пять пальцев, - подчеркнул Арнольд Иванович. - Неслучайно его статья «Некоторые особенности размещения кимберлитовых тел на северо-востоке Сибирской платформы» была взята на вооружение геологами, что способствовало открытию ряда месторождений якутских алмазов».

Около 30 лет он проработал в научно-исследовательском институте Арктики, который создавался в основном из геологов полевиков Арктического института. Люди знали друг друга, вместе работали в суровых условиях севера, где, как в лотке промывальщика, отделяются тяжёлые, полезные фракции от легких, пустых.

Уникальной работой коллектива учёных института стала «Тектоническая карта Арктики и Субарктики», редактором и составителем которой был И.П. Атласов. Материалы, собранные им по геологии Севера использованы в ряде учебников по геологии. В частности, кембрийский разрез восточной окраины Сибирской платформы признан одним из лучших в мире благодаря образцовым сборам трилобитовой фауны, сделанной Иваном Паисьевичем. А два важнейших вида кембрийских трилобитов названы именем Атласова.

В 17-ти из 22-х экспедиций И.П. Атласов был начальником и научным руководителем. На его исследования ссылаются в своих работах многие ведущие геологи - В.А. Обручев, Д.И. Мушкетов, Д.В. Наливкин и другие. С известным полярным исследователем Н.Н. Урванцевым он много лет работал в одном кабинете. Дружил с Е.Н. Фрейбергом - адмиралом в отставке, гидрографом и геологом, бывшим в двадцатых годах начальником Командорских островов.

Иван Паисьевич был удостоен звания «Почетный полярник», «Отличник разведки недр», награжден многими правительственными наградами.

Перебирая фотографии в семейном архиве Атласовых, я обратил внимание на один старый пожелтевший снимок. «Это наш предок - Ксенофонт Петрович Атласов, - сказал Арнольд Иванович. - О нём рассказывает в книге «Фрегат Паллада» известный русский писатель И. А. Гончаров. Но вот три поколения - от сына «Камчатского Ермака» Ивана Владимировича до Ксенофонта Петровича пока неизвестны. Собираюсь обратиться в архивы Якутска.

Вскоре были получены выписки из Национального архива Республики Саха (Якутия), которые восполняют пробел в родословной знаменитой фамилии. Одним из потомков «Камчатского Ермака» называется якутский казак Никита Иванович Атласов, у которого были сыновья Фома, Петр, Андрей.

В связи с этим любопытно свидетельство историка А.И. Алексеева о том, что при обороне Петропавловска в 1854г. от англо-французской эскадры, среди защитников порта находился потомок землепроходца, уроженец Якутска, боярский сын Семен Никитич Атласов, служивший вахтером на Камчатской флотилии. Не был ли он сыном Никиты Ивановича, о котором говорится в архивных якутских документах? Известно, что во времена правления В.С. Завойко в Петропавловск были переселены казаки из Гижиги, основавшие Сероглазку. Среди переселенцев был Атласов. Потомки его жили на реке Микиже возле Паратунки, в Ганалах и других селениях.

В моей записной книжке за 1970 г. сохранилась запись о встрече с 52-летней Анастасией Ивановной Атласовой, работавшей на гидрометеостанции на реке Камчатка недалеко от Милькова. Родом она из Шаром. Отец её Иван Каллистович был председателем колхоза в Ганалах в сороковые годы. Но были ли они потомками землепроходца, трудно сказать. Известно, что при крещении коренных жителей полуострова многим «лутшим мужикам» камчадалам давали фамилии известных людей. Об этом пишут С.П. Крашенинников и другие исследователи. Фамилия Атласова и сейчас встречается среди жителей края.

Будучи в Якутске во время съёмок фильма «Камчатский Ермак», известный журналист Дмитрий Бубякин познакомил нас с

Якутск. Атласовы Василий Николаевич
и Валентина Иннокентьевна. Фото М. Жилина

Агния Палсьевна Атласова

руководителем туристской фирмы Атласовым Василием Николаевичем, его женой якуткой Валентиной Иннокентьевной и дочерью Аней. По семейному преданию истоки одной из ветвей их родословной восходят к казачьему роду Атласовых. Дочь Аня училась в институте на факультете национальных культур.

Она нам продемонстрировала игру на хамусе - народном якутском инструменте. Сын Александр был студентом Благовещенского сельскохозяйственного института, а другой сын Николай служил в армии на острове Шикотан. «Недавно Коля прислал письмо, - рассказывает Валентина Иннокентьевна — Пишет, что на Курилах есть остров, который носит имя нашего предка Атласова. На нём находится вулкан Алаид». А двумя годами раньше, во время съёмки фильма мы побывали на дне рождения старейшины знаменитого рода Агнии Паисьевны Атласовой, которой 18 января 2001 г. исполнилось 95 лет. Бухгалтер по профессии, она жила в подмосковном городе Подольске с многочисленной роднёй. Поздравить тётю приехали из Санкт-Петербурга Иван Иванович и Арнольд Иванович. Поздравительную телеграмму прислал с Ямала Евгений Иванович. Племянница Валентина Константиновна рассказала о своей поездке на Камчатку.

На вечере провозглашали тосты за носителей знаменитой фамилии. Вся родня, все гости желали Агнии Паисьевне долгих лет жизни. И она прожила сто лет!

На Дальнем Востоке и в Якутии, в Санкт-Петербурге и в Подмосковьи живут и работают ныне более трехсот потомков великого землепроходца, имя которого навечно вписано в историю Сибири и Камчатки.